

АЛЕКСАНДР СУХОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВТОРОЙ ШАНС. ВЕДУН

Александр Сухов

Второй шанс. Ведун

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69581152

SelfPub; 2023

Аннотация

Альтернативная Россия век XIX. Взрослый мужчина в теле ребенка. Штампы, клише, рояли, ансамбли балалаечников и даже симфонические оркестры, ну и неограниченный плюскопад, разумеется. Магия-шмагия и прочие чудеса в решетке. А что? Другим можно, мне нельзя? Короче, я предупредил, вам решать, читать книжку или сразу фтопку.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	33
Глава 3	52
Глава 4	72
Глава 5	88
Глава 6	109
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Александр Сухов

Второй шанс. Ведун

Пролог

*Едешь ли в поезде, в автомобиле
Или гуляешь, хлебнувши винца, -
При современном машинном обилье
Трудно по жизни пройти до конца.
В.С. Высоцкий.*

Тьма. Абсолютная беспросветная тьма, и где-то в её центре, бестелесная сущность, подвешенная то ли в микроскопическом пространственном объеме, то ли в бесконечной Вселенной.

Кто я? Где я? Что со мной? Никаких воспоминаний в голове. Впрочем, эти вопросы меня совершенно не волнуют. Мне хорошо, ничто не отвлекает от приятного ничегонеделания. Раньше не подозревал, что вот так находиться в состоянии покоя незнамо где и ничего не делая, может быть столь приятным занятием.

Ага, занятие. Что это такое, занятие? Кажется, когда-то давным-давно, или совсем недавно я вел довольно активный образ жизни.

Жизнь. Что это?.. Но, нет, ничего не помню. Оно, конеч-

но, если чуть постараться, можно добраться до своих воспоминаний. Но зачем? Что может быть лучше того состояния, в котором я пребываю в данный момент? На интуитивном уровне я осознавал, что не нужны мне какие-либо знания, способные внести дискомфорт и разбередить тонкие душевные фибры. Хорошо вот так бездумно проводить время, купаться в неге и покое, постепенно становясь частицей огромного нечего, именуемого НЕБЫТИЕ. Наверное, это и есть то, что люди называют «смерть».

СМЕРТЬ! Пугающее слово, неприятное и неприемлемое по своей сути. В какой-то момент оно яркой вспышкой вывело меня из состояния покоя. Я понял, что вовсе не хочу раствориться навсегда в этой обволакивающей пустоте и, в конечном итоге, стать её неотъемлемой частью. Неожиданно пришло осознание происходящего. Получается, что я умер и теперь нахожусь в том самом «Лучшем из Миров» о котором нам рассказывают представители жреческого сословия всех мастей и некоторые особо одиозные деятели от науки.

Так, если я умер, где тот самый пресловутый тоннель, в котором свет в конце и бородатые мужики, определяющие, куда тебя направить дальше – либо в Райские Кущи, либо в другое то ли весьма горячее, то ли очень холодное, во всяком случае, крайне неприятное местечко, именуемое Адом? Получается, врут те «счастливчики», коим довелось пережить клиническую смерть. А может быть и не врут, ведь во Врата их не пустили, лишь сказали: «Валите отсюда, ваше время

еще не пришло».

Осознав теперешнее свое существование, точнее – псевдосуществование, я тут же расхотел растворяться в блаженном Нечто. Пусть индусы стремятся к завершению своего Колеса Сансары и блаженной нирване – их больше миллиарда, им тесно в своей Индии. Я – обычный русский парень, готов принять только Рай, на Ад, вроде бы, грехов не накопил. Ну задавил когда-то ненароком кошку. А нефиг, сама прыгнула под машину, чокнутая. Ну украл по младости лет у бати деньги из кошелька. Так потратил не на себя, а на всю компанию друзей: лимонад, пирожные, конфеты и прочие радости. За это неплохо так огреб от предка, значит, уже купил. Отмудохал нескольких индивидов, так сами напросились. По жизни старался никому подлянок не делать, локтями конкурентов не расталкивал, нижестоящих по карьерной лестнице ногами не пинал, вышестоящих не дергал за штанины, чтобы занять более теплое местечко. Рохля? Я бы не сказал. Врезать обидчику по физиономии еще как могу, точнее, мог, хотя себя считаю белым, пушистым и вполне себе миролюбивым. А еще, был два раза женат. Не срослось. Как-то все заканчивалось довольно скоротечно и без довеска в виде детей. Разбегались относительно мирно. Она к другому, «менее черствому и более перспективному», я обратно в холостяцкую жизнь. Годам к сорока дорос до заместителя директора отдела продаж по работе с новыми клиентами в одной фирме, изготавливающей упаковку из гофрированной-

го картона...

Итак, я все-таки растормошил немного память. Сразу стало как-то неуютно от того, что моя брeнная жизнь закончилась как-то вдруг резко. Отныне не морочить мне более головы наивным потребителям гофротары, что только ящики нашего производства, якобы, самые прочные, самые экологичные, самые красивые и, что самое главное, самые дешевые на всей планете Земля. Не выпить мне отныне бутылочку пивка в спорт-баре, не поорать от души во время захватывающего футбольного матча среди таких же чокнутых фанатов. Не поесть нежного шашлыка на природе под хорошую музыку и шумные разговоры с друзьями. Не встречаться с очередной пассией для приятного совместного времяпрепровождения. Да и много чего мне более не испытать. Интересно, за что же мне такое «счастье»? Вроде бы, не старым ушел из жизни. Как и почему такое могло случиться?

Воспоминания о прожитом не хлынули бурным потоком, возникали фрагментарно, будто обрывки страниц из пресловутой Книги Жизни. Я до сих пор так и не вспомнил свое имя. Для меня стало шоком узнать, что ушел я из жизни в неполные сорок шесть. Но как это случилось, хоть убей, не могу вспомнить.

Окунувшись в хоть и куцые воспоминания, неожиданно для себя осознал, что, провисев я в этом безвременье еще какое-то время (Ха! Тавтология, иначе не назовешь), моя личность исчезнет, ну, попросту сотрется. В таком случае, что

станет с моей бессмертной душой? Также растворится, или отправится на очередной виток бесконечного Круга Пере-рождений. Если так, то интересно, куда меня забросит на этот раз? Неожиданно в голове запел хрипловатый голос... черт, не могу вспомнить, кому он принадлежит:

*Пускай живешь ты дворником – родишься вновь прора-
бом,*

*А после из прораба до министра дорастешь,-
Но, если туп, как дерево – родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь...*

М-да, перспектива переродиться в баобаб ничуть не пре-льщает. Министром уж куда ни шло, но ведь министрами не рождаются, они формируются из успешных дворников, про-рабов и прочих работяг физического и умственного труда, чаще умственного, ну если и рождаются, то уж непременно в семье министра.

Эко тебя поперло в философию, Андрюха!

Ага, «Андрей». Теперь я знаю, как меня зовут. Андрей Воронцов. В детстве, какой-то начитанный умник с нашего двора окрестил графом. С тех пор прилипло, так и прошел по жизни с, в общем-то, необидной кликухой.

Осознание самого себя. Повлекло за собой наплыв новых воспоминаний. Автобусная остановка. Утренний час пик. Интересно, что я там делал такой солидный человек, привыкший перемещаться на четырех колесах дорогого и весьма престижного авто? Ага, всё понятно, сдал свою новень-

кую «шестерку» (нет, не то, что вы подумали, не любимый русским народом «жигуль», а продукт германского автопрома Ауди А6) в специализированную мастерскую для планового техобслуживания. Ну там масло и прочие жидкости поменять, зашлифовать микросколы и трещинки на лобовом стекле и лакокрасочном покрытии, систему подачи топлива подрегулировать и еще кое-что по мелочи. Обещали вернуть через сутки, вот и заставила нужда тащиться на остановку общественного транспорта и ждать маршрутку, чтобы добраться до рабочего офиса.

Пришлось выстоять приличную очередь. Впрочем, время позволяло – до начала рабочего дня еще час. К тому же, погода располагала – лето, солнышко, тепло. Отчего бы не постоять? Маршрутные такси подъезжали с обнадеживающей частотой, и довольно скоро я находился во главе вполне себе организованной толпы, и, по идее, должен был первым забраться в очередную маршрутку.

Неожиданно в мерный гул транспортного потока диссонансом врезался резкий визг тормозов. Повернул голову на звук и волосы на всем теле поднялись дыбом. На огромной скорости к остановке приближался Mercedes-Benz G 55 AMG. Я неплохо разбираюсь в автомобилях и гелендваген по характерной рубленной форме кузова и трехлучевой звезде в круге на радиаторной решетке капота спутать с чем-то еще весьма затруднительно. Не люблю сараи на колесах. То ли дело моя элегантная А6...

Впрочем, сравнительная характеристика транспортных средств, выпущенных на немецких и австрийских заводах, меня в тот момент меньше всего интересовала. Главным во всей представшей пред моим взором картине было то, что тяжелый автомобиль, судя по растерянной мордашке белобрысой мадам за рулем механического монстра, потерял управление и неумолимо приближался к остановке и персонально к моей беззащитной тушке. Успел заметить, что эта баба сжимает в руке прямоугольную пластиковую коробочку айфона. Не этот ли девайс послужил причиной потери управления ею автомобилем? Скорее всего, именно так оно и произошло – заболталась сучка безответственная, увлеклась и вот вам результат.

На анализ сложившейся ситуации мне потребовались доли секунды. Слева тяжеленный сарай на колесах, мчащийся на приличной скорости к остановке общественного транспорта. Сзади поджигает толпа, еще не осознавшая, что ей грозит. Так или иначе, путей для отступления нет. Однако попытаться все-таки стоило. Оборачиваюсь и со всей дури толкаю от себя какого-то прыщавого юношу со стереонаушниками в ушах. Наградой мне стало летящее прочь тело и непонимающий обиженный взгляд парня. Не обращаю внимания, после разберемся. Не теряя времени, устремляюсь вслед за валящимся на подпирающую нас толпу юношей. Не успеваю. Мощный удар в район таза. Слышу громкий хруст ломающихся костей и рассыпающихся позвонков.

Странно, боли не ощущаю, похоже, сигналы, идущие по нервам, в отличие от звуковых волн, распространяющимся по костям скелета, еще не достигли мозга. Ну да, скорость передачи нервных импульсов на порядок ниже скорости звука. Боже, какая чушь в башку лезет! Затем еще один удар теперь в голову. Темнота.

И вновь темнота, только другая. Здесь я во всяком случае осознаю себя как умершего. Блин, я умер. Что-то как-то банально звучит: «Я умер». А если добавить пафоса: «Я умер!». Не, тоже не канает. Если я себя осознаю, как личность, то какой же я мертвец? Ага, живым меня также трудно назвать, получается, как-то ни то, ни сё.

Тут что-то резко поменялось в моем мироощущении. Где-то вдалеке вспыхнула яркая точка, в тот же момент мою сущность будто подхватила чья-то сильная рука и будто беззащитного котенка потащила навстречу неведомому свету. В безвременье всё тянется очень долго и в то же время происходит мгновенно. Парадокс, на первый взгляд, но это именно так. Объяснить механику я не могу, воспринимаю как данность. В какой-то момент сияющая точка превратилась сначала в огненный шар, по мере моего приближения окружающий мир разделился на две примерно равные половинки – беспросветный мрак Великого Ничто и пылающее Нечто и я, находящийся между этими двумя противоположными стихиями. Меня все быстрее и быстрее тащило к огненной половине.

Похоже свой шанс раствориться в Ничто я потерял, теперь меня ждет Ад, – возникла и тут же погасла мысль, вместо нее появилась другая: – А разве мрачную пустоту бесконечности можно назвать Раем?

Похоже, выбора тут не дают, и мне не суждено приобрести к блаженной нирване. Да и не очень-то и хотелось, еще раз повторяю: я не индус. А что с огнем? А не Геенна ли это огненная, в которой мне гореть и не сгорать до скончания времен?

В какой-то момент я оказался в бескрайнем потоке, состоящем из сияющих с разной интенсивностью субстанций сферической формы, движущихся в направлении ослепительного сияния. Нет, как таковых геометрических размеров эти объекты не имели. Просто одни светились ярче, другие были бледнее, отсюда создавалось впечатление, что какие-то больше, какие-то меньше. Похоже, это такие же умершие, как и я, ну, или их души, выражаясь лженаучной терминологией.

Вскоре я смог обнаружить встречный поток, состоящий из бледных искр примерно одинакового свечения. Мне вдруг стало понятно, что это такое. Это те же самые души разумных (а может быть, и неразумных) существ, только лишенные накопленной за годы жизни информационной составляющей.

Это что же получается? Огромное сияющее Нечто притягивает к себе души умерших, выкачивает из них практически всю энергоинформационную составляющую, после чего

отправляет обратно для вселения в тела вновь родившихся живых существ. Перспектива неприятная, но обнадеживающая – то есть застрять в Аду или Раю мне не светит, а светит, как обещают индусы, отправиться на очередной Круг Перерождений. В голове (Боже, о чем это я. Какая, к чертям, голова?) вновь раздался слегка гнусавый навязчивый голос:

Не пей вина, Гертруда;

Пьянство не красит дам.

Нажрешься в хлам – и станет противно

Соратникам и друзьям.

Держись сильнее за якорь -

Якорь не подведет;

А ежели поймешь, что сансара – нирвана,

То всяка печаль пройдет.

Какая сансара? Какая нирвана? Сейчас соприкоснусь с сияющей поверхностью, и у меня отнимут последнее, что я имею – мои переживания, воспоминания, как, наверное, уже проделывали со мной неоднократно. Да, кажется, где-то в глубинах памяти сохранились воспоминания об этом золотом сиянии, что-то связанное с избавлением от каких-то душевных страданий и мук.

Прислушался к внутренним ощущениям. С одной стороны, освобождаешься от тяжести пережитого и обновляешься. С другой, возникает вопрос: «А для чего тогда жил, если весь твой жизненный опыт уходит неведомо куда?». Но деваться некуда. Похоже, придется в очередной раз принять

неизбежное и начать новую жизнь в теле бестолкового младенца. Интересно, в чье тело меня закинет судьба? Человека? Зверя какого-нибудь? Дерева? Или вовсе разумного чешуехвостого шестилапа из далекой галактики Ёпта-Дракона? Ха-ха! я еще и юморить способен.

Неожиданно в непосредственной близости от меня окружающее пространство затрещало, будто чьи-то могучие руки разодрали кусок брезентухи и в нем образовалась рваная дыра. Странно, здесь определенно нет воздуха, а звук услышал. Или это не звук вовсе, а что-то иное? Из разверзшейся пустоты на волю вырвалась яркая искорка и помчалась в бездну золотого сияния. Из любопытства я заглянул в образовавшийся разрыв ткани бытия и увидел там бескрайнее темное небо, усыпанное роями ярких звезд. А еще в их неярком свете я разглядел покрытую белым снегом равнину, в десятке шагов плотную стену деревьев и слабый огонек на фоне темных крон. Показалось, что на меня пахнуло зимней свежестью и запахом хвои.

И так мне захотелось, несмотря ни на что, прервать свой нудный бег к очистительному Нечто и оказаться в том ночном лесу. Попытался дернуться. Как это ни странно, получилось немного приблизиться к начавшему закрываться окошку в реальный мир. Задергался активнее, едва успел до него дотянуться и, самое главное, проскользнуть внутрь.

В следующий момент ощутил невыносимую боль во всем теле. Боль реального человеческого организма, основательно

потрепанного, вдобавок промороженного едва ли не до костей. И не мудрено – одет не по погоде: легкие штанишки и рубаха, а ноги и вовсе босы. Теперь мне понятно, почему душа прежнего хозяина покинула эту брентную оболочку. Плевать, если тело приняло новую сущность, значит, оно еще живо и способно к функционированию. Пожалуй, о нём следует немедленно позаботиться, еще пара минут пытки холодом и болью, и та же участь ожидает меня.

Холодно, ночь, лес, снег не глубокий, передвигаться особо не мешает. Единственное спасение двигаться к неяркому пятнышку света. Из-за жуткой боли я на какое-то время потерял способность мыслить. Действовал исключительно на рефлексх. Не понял, как оказался у низенькой дверцы в неказистую бревенчатую избушку, из окна которой лился на улицу тот самый тусклый свет.

Хотел сильно постучать в дощатую дверь кулаками, но получилось как-то не очень убедительно. Впрочем, меня услышали. Дверь распахнулась. Мне навстречу вырвался клуб пара. Пахнуло теплом, слегка спертым домашним духом и запахом чего-то съедобного. В следующий момент мозг отключился, и сознание провалилось в блаженное беспамятство.

Глава 1

*На память обычно не сетовал,
Хоть в ней и премного всего,
Я вспомнил сегодня про этого...
Ну, этого... Как там его?...
А. Кукушкин.*

Пробуждение стало не самым приятным для меня моментом. Такое ощущение, что тело долго находилось в работающей бетономешалке, затем его долгое время держали в жидком азоте, после чего расколошматили посредством механического кузнечного молота, в конечном итоге собрали разрозненные кусочки и склеили абы как. Тупая ноющая боль во всем организме и острая боль в правом боку, общая слабость и гнетущее чувство чего-то очень важного для меня, утерянного навсегда.

Сил не хватало даже для того, чтобы распахнуть веки и осмотреться. Уши воспринимают какой-то невнятный шум из которого вычленишь что-либо членораздельное мешает общее ослабленное состояние. Хотел пошевелить руками, организм будто огнем обдало. Кажется, я застонал, может и вскрикнул – не могу точно сказать.

Как результат неразборчивое «бу-бу-бу» переместилось ближе ко мне. Как ни старался, ничего не мог понять из этого навязчивого бубнежа. По лицу прошлось что-то мокрое,

губы также оросило влагой и немного затекло в рот, проглотил, но вкуса не ощутил. Все означенные действия отняли у меня остатки сил, и я вновь погрузился в мрачную тьму беспомощности.

Второе возвращение в реальность было немногим легче. Общая боль притупилась, хоть и чувствовал себя совершенно обессиленным. На этот раз мне удалось приоткрыть глаза. В помещении, где я находился, царил беспросветный мрак. Пришлось вынужденно отказаться от зрительного восприятия и перейти к анализу осязательных, слуховых и обонятельных ощущений.

Лежу без одежды на чем-то вроде матраса в меру мягком, пахнущем сеном. Голова покоится на подушке, набитой все тем же душистым сеном. Сверху на мне что-то лохматое, довольно тяжелое, запах маминой каракулевой шубки из далекого детства. Так, и с этим разобрался, скорее всего, овчина, ну или какой иной мех.

Прислушался. Где-то наверху в печной трубе завывает ветер. Откуда мне известно про печную трубу? Так мои бабушка с бабушкой по отцовой линии проживали в деревне и регулярно забирали меня на лето к себе, предоставляя возможность моим родителям беспрепятственно клепать мне сначала братика, а потом и сестренку. Вот у них в бревенчатой избе пятистенке была печь, точнее две печки. Одна в белой (жилой) части исключительно для тепла с лежанкой, заваленной овчинными тулупами. Другая на кухне огромная

конструкция с темным мрачным горнилом, закрываемым металлической заслонкой и специальным топочным отделением с набором колец, регулирующих силу пламени. Мне казалось, залезь я на нее и скомандуй: «По щучьему велению, по моему хотению...» и так далее по теме, и эта дымящая трубой махина подчинится моей воле и поедет, нет не во дворец к какому-нибудь царю за прекрасной царевной (девчонки тогда меня еще не интересовали), а на зависть всем деревенским обитателям помчит по центральной улице. Вообще-то повседневно пищу готовили на сжиженном баллонном газе. Кухонная печь использовалась для выпечки разного рода пирогов, варки и томления вкуснейших щей из кислой капусты, а также тыквенной каши с пшеном изюмом и еще чем-то вкусным. У-ух! Пальчики оближешь. Так вот, часто в ветреную погоду наши печные трубы издавали подобные звуки, будто переговаривались друг с другом.

В какой-то момент к ненавязчивому напеву ветра в трубе присоединилось громкое шуршание. Где-то в дальнем углу кто-то яростно царапал когтями деревяшку. Царапанье продолжалось недолго и вскоре там негромко мяукнуло и все затихло. Ага, кошка или кот. Разумно, без кота-мышелова в деревне никак – грызуны одолеют.

Интересные ароматы в помещении, будто травы лекарственные кто-то сушит. Нос тут же вычленил запахи мяты, полыни, ландыша, ромашки, листа черной смородины и много другого. Раньше как-то не замечал за собой столь тон-

кого обоняния. Интересно, откуда что взялось?

То, что я нахожусь не в своей городской квартире, то ли деревенском доме, то ли на даче у кого-то из друзей мне понятно. При этом, мое нынешнее состояние для меня полная загадка. Наиболее вероятная версия: отправился в гости, там надрался до поросычьего визга, вдобавок с кем-то поцапался или грохнулся с лестницы. Скорее всего, все-таки упал с высоты. По пьяни я человек спокойный к буйству и другим непотребствам не склонный.

И все-таки, где я? Не припомню, чтобы кто-то из моих друзей занимался заготовкой дикоросов. Грибы, ягоды, венники березовые для бани – это норма, но, чтобы пижму, одуванчик или крапиву со зверобоем в дом тащить и развешивать под потолком при изобилии на полках аптек нормальных лекарственных средств, на мой взгляд, перебор. Ладно, меня оно не касается, у всех свои причуды.

И тут я вспомнил недавний сон, будто лечу в мрачной пустоте в направлении какого-то золотистого свечения, а потом бег по снегу, а еще избушка в лесу. Это надо же такому примерещиться! Не, пожалуй, стоит более ответственно относиться к приему крепких алкогольных напитков. Благо хозяева дома не выперли меня на улицу в нетрезвом состоянии, а чин чинном предоставили кров и постель. Рука скользнула по телу вниз, и в районе груди наткнулась на тугую повязку.

«Неужто во время падения ребра поломал? – промелькнула в голове здравая мысль. – В таком случае почему не

вызвали скорую помощь? По логике вещей, с переломанными костями я должен находиться в хирургическом стационаре под неусыпным надзором заботливого медперсонала. Залогом тому мой дорогуший медицинский полис от одной из самых продвинутых российских страховых компаний».

Ниже оказалось еще интереснее, мои чресла были обернуты тканью, под которой прощупывалось что-то бесформенное мягкое. Памперсы напоминает, но какие-то уж очень грубые неудобные. Был у меня неприятный момент в жизни, после автомобильной аварии пришлось около месяца проваляться в больнице с переломом ноги на растяжке, вот тогда памперсы стали для меня палочкой-выручалочкой. Даже представить не могу, как бы без них обходился. Интересно, в чью это светлую голову пришла гениальная мысль обложить меня чем-то мягким и завернуть в тряпицу? Ладно, после разберемся.

Следующим моим открытием стало полное отсутствие пивного животика. На его месте находился провал, где под тонким слоем кожи прощупывался жиденький пресс живота. Рука метнулась к лицу на худых щеках ни малейшего следа жесткой щетины, наличие которой проявляется буквально через несколько часов после самого тщательного бритья. Наоборот, кожа лица нежная, бархатистая, как у ребенка... Чёрт! Чёрт! Как у ребенка...

В памяти в очередной раз всплыл недавний сон. Долгий полет в пустоте. Мой прорыв через нарушенную ткань бы-

тия. Босые ножки топают по неглубокому снегу и маленький кулачок, бьющий в дощатую дверь входа в избу. Нет, не может быть! Неужели я на самом деле умер в той прошлой жизни? В чем же, в таком случае, теле я оказался? Панические мысли лихорадочно забегали под черепной коробкой, грозя превратить голову в некое подобие взорвавшейся гранаты. В какой-то момент перегретое сознание не выдержало, и я вновь погрузился в спасительное небытие.

Акт третий. Открываю глаза, прислушиваюсь сначала к внутренним ощущениям. Вроде бы, мне значительно легче, чем в предыдущие разы. Общая слабость никуда не делась, но появились потребности. Во рту сушь, как в пустыне Гоби. Одновременно присутствует потребность опорожнить мочевой пузырь.

Попытался позвать кого-нибудь на помощь, но из иссушенного рта вырвалось что-то наподобие мычания. Впрочем, этого вполне хватило.

– Неужто очухался, милоч! – голос принадлежал, вне всякого сомнения, пожилой женщине и здорово напоминал голос самой популярной киношной бабушки Татьяны Ивановны Пельтцер. – Я-то уже думала, что окочуришься. Повезло тебе, малой, под счастливой планидой родился, аль в рубашке.

Повернул голову на источник звука. Льющийся из окна свет вполне позволял рассмотреть обстановку во всех подробностях, да и само зрение как-то обострилось. У жар-

ко растопленной печи стояла старушка в изрядно поблекшем от многочисленных стирок цветастом платье, спереди прикрытым фартуком из какой-то дерюжки. Росту невеликого. Откуда понял? Не могу толком объяснить, просто понял и все. Волосы седые уложены на голове в замысловатую прическу из переплетенных между собой нескольких косиц, скрепленных заколками. Лоб высокий. Глаза голубые изрядно выцветшие от старости. Кожа лица изрезана многочисленными морщинами. Нос крупный с заметной горбинкой. Рот увядший со сморщенными блеклыми губами. Подбородок острый заметно выступает вперед. Шея тонкая, птичья. По внешнему виду, эту особу можно легко принять за классическую злую бабу-ягу из русских народных сказок. Образ дополнял здоровенный котяра черной масти, трущийся, задрав хвост трубой, о ноги старушки. Именно кот в самом что ни на есть брутальном виде, ибо ничуть не стеснялся демонстрировать присутствующим свое котовье хозяйство. Время от времени котяра предупреждающе брызгал зелеными искрами в мою сторону, мол я тут главный. Затем всё его внимание вновь переключалось на хозяйку.

«Покатаюсь, поваляюсь на Ивашкиных костях, ивашкиного мясца поевши!», – нет, не то, слишком уж глаза добрые и, вроде бы, женщина рада моему возвращению в реальность.

– Бы, мы, бык, мык, – я попытался донести до хозяйки суть обуревавших меня в данный момент желаний. В конеч-

ном итоге поднес руку ко рту и жалобно посмотрел на нее, мол, спасите-помогите умираю от жажды.

– Ах ты ж, страдалец! – отставив в сторонку ухват, всплеснула руками старушка. – Чичас напоим. – Она с завидной грацией подбежала к столу, схватила деревянный ковшик, затем метнулась к стоящему на скамейке у печи чугунок, зачерпнула оттуда и вскоре поила меня, аккуратно придерживая голову свободной рукой.

Жидкость оказалась теплой, скорее даже горячей. И, судя по вкусу, это была не просто вода, а отвар каких-то трав. Выдул целый ковш, отчего второе мое насущное желание еще сильнее обострилось.

– Бабушка, мне бы того... – смущенно обратился к хозяйке. И тут до меня дошло, что вместо солидного мужского баритона говорю неокрепшим мальчишечьим голоском. Вообще-то, не очень удивился данному факту, кажется, был готов к чему-то подобному.

– Чего, милоч?

– Ну... отлить бы.

– Ах, это! – весело заулыбалась старушка. – Так пруди лежа, можешь и по большому оправиться. Хе-хе-хе! Сфагнум он всё впитает. Не смущайся, тебе самому ходить в уборную покамест рано, поскольку болезный и вставать я тебе, милоч, разрешу еще не скоро.

Сделал как было рекомендовано «врачевательницей». Полегчало. Судя по ощущениям, этого самого сфагнума в до-

морощенном памперсе было достаточно, чтобы не протекло в постель.

– Бабушка, а сфагнум – это что такое?

– Да мох болотный, – начала объяснять женщина, – первая на деревне штука, опосля, конечно, еды. Его и на раны накладывают, и под лежачего больного, и прокладку для девок и баб... хотя, тебе, малёк, этого знать не полагается, а еще задницу им подтираем. Это вам городским газету подавай, али специальную бумажку. А мы сельские, народ простой – где лопухом, где мхом обходимся очень даже прекрасно.

– Откуда знаете, что я городской?

– Ну как же, ты хоть не по сезону одевши сюда пришел, при этом одежда на тебе хоть и рваная, но дорогая по нынешним ценам. Бельишко нижнее пошито из настоящей шелковой ткани, сюртучок со штанишками из английского вельвету, уж-жасно дорогущего. Нет, не из простых ты, малец и не из работяг. Непонятно, где обувку потерял и как, топая по снегу босым, пальцы на ногах не отморозил? Прямо чудеса! Интересно, откуда ты такой взялся на мою голову?

– Не знаю, бабушка, память будто ножом отрезало. Кто я и откуда, хоть огнем пытайте, не скажу.

Мне хотелось и самому задать доброй старушке кучу вопросов, однако, накатившая слабость заставила смежить веки и вновь отключиться от реальности. Возможно, выпитый мной отвар содержал какой-то снотворный компонент, а может быть, я и ошибаюсь и моя сонливость вызвана общим

состоянием ослабленного организма.

Следующее пробуждение случилось, судя по столбу света, люющемуся из небольшого оконца также днем. Тут я или проспал недолго, скорее всего, наоборот, продрых целые сутки. Со временем у меня без моего дорогущего «Ролекса», на худой конец, мобилы, определенно, затыки. Распахнул веки и первым делом щедро поделился жидкостью из мочевого пузыря с «памперсом». Затем побряхтел для привлечения внимания хозяйки. Осмотрелся, в избе никого, кроме меня и беззаботно дремлющего на печной лежанке черного как ночь котяры. Эвон как вольготно развалился на спине, лапищи свои мощные когтистые растопырил, шары вывалил всем на обозрение. Ну прям охальник. На мое пробуждение ухом не повел.

«Вот же засада! – голову посетила запоздалая мысль, – даже не поинтересовался, как звать-величать мою спасительницу. Точнее, спасительницу моей теперешней брэнной оболочки».

То, что отныне я не солидный мужчина на пятом десятке. Хоть и не олигарх, но кое-чего мне все-таки удалось в той жизни достичь. Во всяком случае, интересная работа позволяла мне обеспечивать вполне завидное материальное положение. Трехкомнатная квартира в престижном районе города, автомобиль бизнес-класса, ежегодный отдых не в какой-то там задрипанной Турции, или шумном вонючем Тунисе, только райские Карибы или Багамы и только в персо-

нальном бунгало со всеми удобствами в обществе очередной мимолетной подружки. М-да, исходя из сложившейся ситуации, не видать мне отныне всего этого и вообще, что делать, оказавшись в теле ребенка пока не знаю.

Воспоминания о потерянном навсегда беззаботном счастье, разбередили душевную рану. Хочу назад в уютное начинающее дряхлеть тело, к привычному укладу жизни. Хочу продолжать дурить головы потребителям гофротары и получать с каждой удачной сделки свой законный процент. Хочу по вечерам, вооружившись бутылочкой пивка, читать всякий бред на псевдоисторических форумах и добавлять к нему собственные измышления, не менее бредовые, или троллить всяких умников, выкладывающих свои посты в Инете. Хочу на выходных выезжать на природу в теплой дружеской компании с мангалом, шампурами и заранее замаринованным шашлыком.

– Хочу, хочу, хочу!

Разнервничался до такой степени, что не заметил, как заорал на всю избу. Тьфу на меня! Истерю, как Марфушенька-душенька из фильма «Морозко», блин! Та тоже много чего хотела. Вот барсика (или как там его) напугал, напрягся и зырит на меня своими изумрудными зенками.

Итак, чем на сей раз боженька наградил?

С великим трудом мне удалось скинуть с себя тяжеленный овчинный тулуп. Приподнял голову, оглядел доставшееся от неведомого реципиента наследие. М-да, небогато. Тельце

тщедушное, ребра на груди обмотаны тугой повязкой, а те, что не замотаны, можно запросто пересчитать, не обращаясь к услугам рентгенолога. Тазовая область сокрыта от взгляда народным «памперсом», набитым высушенным мхом. Ножки – больно смотреть, худющие во многих местах перевязанные тряпками, на обеих ногах безразмерные носки грубой вязки, доходящие до середины голени. Руки – тонкие палки с заметно выделяющимися локтевыми суставами и нитками мышц под синюшной кожей. Красавец, однако! Кастинг на роль узника Бухенвальда, считай, успешно пройден.

Вид изможденной плоти привел к вполне ожидаемому результату. Мне захотелось есть. Нет, жрать. Точнее ЖРАТЬ. Вот как бы так. На кухонном столе стоял исходящий паром котелок с каким-то варевом. Однако видит око, да зуб неймет. Сил едва хватило натянуть на себя обратно спасительный тулупчик, поскольку в избушке было не так уж и тепло.

Тем временем невыносимый голод становился все более невыносимым. Я даже начал бросать плотоядные взгляды в сторону греющегося на печи кота. Тот в свою очередь будто что-то почувствовал, резко подскочил, одарив меня крайне недружелюбным взглядом, громко мяукнул и спрятался от греха подальше за печной трубой.

Тут дверь в избушку тихонько скрипнула. На краткий миг в помещении стало значительно светлее. Появилась хозяйка в овчинном полушубке и с вязанкой поленьев в руках. Скинув ношу у печи, бабушка распрямила спину и, посмотрев

на меня, констатировала.

– Вот и славно, соколик, проснулся. Поди голодный, аки зверь. – В ответ я лишь интенсивно закивал головой, поскольку обильное слюноотделение во рту мешало объяснять-ся членораздельно. – Счас подам. Бульон еще с раннего утра в печи томится.

Полулитровая глиняная миска с горячим мясным бульоном была оприходована мной в считанные мгновения, ни капли не пролетело мимо рта. Осушив емкость, с благодарностью посмотрел на добрую женщину. Зверский голод еще не прошел, но теплая волна, пронесшаяся по пищеводу вниз к желудку, весьма обнадеживала и настраивала на оптимистический лад.

– Спасибо, бабушка! – от всего сердца поблагодарил я.

– Да ладно, – та махнула рукой. – Хорошо, хоть организм начал пищу принимать. Когда валялся в забытьи, пару раз пыталась напоить тебя бульоном, а ты все обратно извергал. Не принимал он пищу, ну ни в какую. Вроде водицу и отвары не отвергал, а от обычного куриного бульона тебя буквально наизнанку выворачивало. Жалко смотреть было.

– Я бы не отказался пожевать чего-нибудь более существенного.

– Нельзя тебе пока что «более существенного», – улыбнулась старушка, отчего перестала походить на Бабу-ягу, скорее на добрую и заботливую бабушку, хлопчущую над больным внуком, – кишки скрутит в узелок, так и помереть в

корчах недолго. Упаси Христос! – Хозяйка повернула лицо к незамеченной мной ранее иконе в красном углу горницы и перекрестилась по-старообрядчески двуперстием.

А может я все-таки на Земле оказался? – в голове появилась весьма обнадеживающая мысль, – занесло с Того Света прямиком в мой родной мир. А вдруг, Земля и вовсе единственная во Вселенной планета, населенная разумными существами? Ну попал к старообрядцам в Сибирь или на Дальний Восток. Так отсюда и до цивилизованных мест добратся вполне можно. А там... Есть у меня несколько вкладов на предьявителя, как-нибудь доберусь до них. Сложно в моем детском состоянии, но вполне осуществимо. Дальше... дальше буду думать.

– Бабушка, простите, что не поинтересовался вашим именем и отчеством. Не до этого как-то было.

Хозяйка весело покосилась на меня.

– Ну кто бы сумлевался, значаща, точно из господ, аль интеллихентов будешь. А кличут меня Василисой Егоровной из рода, основанного Третьяком, значит Третьяковы мы. Кто поменьше – бабушкой Василисой именуют, а все прочие – просто Егоровной. Знахарка я местная, из людей по возможности всякие хвори изгоняю где травкой, где наговором старинным, где посредством резекции, но завсегда с молитвой, ибо без воли Господа нашего Иисуса Христа никакая болячка не заживет.

– Так я на Земле, в Российской Федерации?! – возбужден-

но воскликнул я.

– Странны речи ведешь, мальчик, хоть молвишь по-русски. На Земле, конечно, а где же нам еще быть, разумеется в Рассее-матушке, тока у нас никакая не хведерация а царство-государство, анперия называется. Бо-ольшущая, сказывают. От германских и польских земель до восточного оки-яна, и от полнощных морей до южных окраин на многие тыщи верст раскинулась. И языков всяких-разных у нас великое изобилие.

– А год, год нонече какой? – Не заметил, как начал заимствовать у Егоровны специфические речевые обороты. Нонече, давеча, анперия...

– Дык одна тыща восемьсот пятьдесят третий от Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа.

Так, ситуевина, можно сказать, хреновая. Середина позапрошлого века со всеми неприятными моментами, собственными тому времени. Вроде бы крепостничество еще не отменено, трудовой народ страдает под лютым ярмом помещиков-самодуров.

– Василиса Егоровна, а до столицы далеко отсюда?

– Тебе до какой? Владимира али Суздаля? Хотя и туда, и сюда на паровозе чуть более суток добираться. Калужские мы, под боярином Андроновым проживаем.

– Калужские, – на автомате поправил старушку.

– Ну да, правильно калужские, но тут народ бает по-своему, хоть ты ему кол на голове теши.

– А Москва, как же?

– Хе, Москва... Это ты про городище малое, что в сотне верст отседова? Таки чисто дярёвня глухая, там болотня сплошная, топи непролазные. Грят, нечисти всякой по лесам в тех местах видимо-невидимо. А народишку не бог весть сколько. Хотя клюква оттудова, да всяка друга лесная ягода очень даже хороши... – неожиданно старушка оборвала свой треп и, вперив в меня взгляд своих водянистых глаз, спросила: – А чой-то ты про Москву спросил, аль припомнил чего?

– Не, бабушка, вообще ничего не помню, даже как меня зовут, – в расстроенных чувствах пролепетал я.

Господи, куда же это меня занесло? Москва – «дырёвня», столицы две – Владимир и Суздаль, царь-анпиратор, боярин какой-то Андронов калуцких земель владыка. Ёптыть! Как бы разобраться во всем этом и не вызвать ненужных подозрений. Впрочем, я пацан несмышленный, еще недавно валялся в горячке, к тому же, память отшибло. Интересно, сколько мне лет и каким образом оказался темной ночью один в лесу неподалеку от жилища местной знахарки? Вопросы, вопросы, а в голове уже круговерть и туман от переизбытка впечатлений.

Егоровна внимательно посмотрела на меня, затем споро метнулась к столу, на котором стоял знакомый чугунок. Быстро зачерпнула из него деревянным ковшом и поднесла к моему рту.

– На-ка выпей, милок. А потом поспишь. Глядь, что-нибудь прояснится в твоей головенке.

Сделал как сказала добрая женщина. И через минуту веки сами по себе смежились, и мое сознание в очередной раз провалилось в беспросветный мрак, полностью лишенный какой бы то ни было информационной составляющей.

Глава 2

*Глазки закрывай, до семи считай
До семи считай,
А когда проснешься,
Вокруг увидишь рай!..
Детские игры 2*

Мерный стук колес на рельсовых стыках. Вагон успокаивающе покачивает из стороны в сторону. Открываю глаза. Купе неярко освещено светом керосиновой лампы-ночника. Хотел повернуться на бок и продолжить досматривать какой-то прерванный ужасно интересный сон, сюжет которого уже успел вылететь из головы. Однако понимаю, что мне со всей срочностью необходимо посетить туалет, иначе мой мочевого пузырь грозит лопнуть как перезревший арбуз.

Осторожно, чтобы не разбудить маму и сестричку спускаюсь со второго яруса. Ноги впикиваю в мягкие домашние тапочки. Стараясь не шуметь, быстро надеваю свой вельветовый костюмчик и выхожу в длинный коридор пассажирского вагона второго класса. Здесь значительно светлее – по стенам всё те же керосиновые лампы, только фитили не прикручены по ночному времени как в купе. Далее иду в самый конец вагона. Славно, заветное помещение не занято. Тут вполне себе чисто. Быстро делаю свои дела, споласкиваю руки, отряхиваю их, поскольку общим полотенцем пользоваться брез-

гую. Возвращаюсь в коридор. Не доходя нескольких метров до дверей своего купе, слышу приглушенный детский визг и какой-то негромкий шум. Мне вдруг стало необъяснимо жутко. Захотелось бежать отсюда куда глаза глядят. Однако, преодолев робость, все-таки заглянул в приоткрытую дверь.

В неверном свете ночника вижу страшную картину. Двое каких-то мужчин. Кажется, они из соседнего купе. Точно, видел раньше этих двух усачей с военной выправкой. Один склонился над матерью, что там делает, мне не видно. Только её дергающиеся ноги под одеялом. Второй навалился на сестрицу, одной рукой зажал ей рот, другой обхватил тонкую шею и душит. Девочка уже не пытается вырваться из лап злодея, похоже, бандит своей цели добился.

«Кажется, маму тоже душат», – дошло до моего сознания.

Тут первый сместился так, что мне стало видно лицо матери с выпученными от боли глазами и руку душегуба на её шее. Мать меня также увидела и негромко, но вполне различимо прохрипела:

– Андрюша беги, мальчик. Зови лю...

На какой-то краткий миг всё у меня внутри будто оборвалось. Я замер соляным столпом будто жена Лота при бегстве из Содома. Лишь громкий шепот, обращенный к подельнику, того, кто душил маму: – Дан, займись щенком! – вывели меня из состояния ступора.

Горло перехватило спазмом, будто один из душегубов крепко стиснул мою шею своими огромными лапищами, по

этой причине я не смог заорать на весь вагон, всего лишь выдал сдавленный хрип. Однако, это не помешало мне, что было мочи, рвануть в сторону тамбура. Будто какая-то невидимая сильная рука толкала меня в спину. А сзади вслед за мной из купе выскочил тот самый Дан – душитель моей сестрицы. Самого мужчину я не видел, ощущал его присутствие по колебаниям теней, отбрасываемых керосиновыми лампами и легким шагам за спиной.

Так или иначе, имеющаяся в моем распоряжении фора позволила мне первому ступить на основательно заплеванный и покрытый окурками металлический рифленый пол тамбура. Интуиция ли, провидение ли, короче, какое-то шестое чувство заставило меня кинуться к одной из дверей и дернуть ручку на себя. Удивительно, но обычно запертая на ключ дверь, на этот раз распахнулась без каких-либо усилий. Похоже, бандиты после удачной операции планировали покинуть вагон именно этим путем. Снаружи непроглядный мрак, ледяной ветер забрасывает внутрь вагона колющие снежинки и безжалостно вытягивает скудные остатки тепла из тамбура. Колебался недолго. Появление преследователя, заслонившего своим телом свет из коридора, стимулировало к отчаянному прыжку навстречу ветру и ночной темноте.

Сильная боль от удара о твердую бугристую поверхность, кажется, щебенчатая насыпь. Потеря на краткий миг ориентации во времени и пространстве. Каким-то образом нахожу в себе силы, чтобы подняться на ноги. Чувствую под босы-

ми ногами холод. Тапки соскочили при падении. Искать нет времени – вдруг душегубы все-таки решат за мной гнаться. Нужно срочно бежать отсюда к людям.

На мое счастье царящий вокруг мрак оказался не столь беспросветным, как это виделось из окна вагона. Причиной тому первый выпавший в этом году снег, покрывший белым саваном открытые участки местности и отяготивший кроны деревьев. Железная дорога выделялась на светлом фоне темной полосой.

Не мешкая ни мгновения, рванул в сторону чернеющей неподалеку кромки леса. Мне казалось, там будет теплее и безопаснее, чем на открытом продуваемом всеми ветрами пространстве. Ошибочка вышла. Бежать по темному лесу в ночной темноте стало еще той задачей. Частенько незащищенные подошвами обуви ступни наступали на что-то острое, а по телу время от времени прилетало от хлещущих веток, особенно неприятно доставалось рукам, коими я вынужден был прикрывать лицо. Пришлось сбавить темп. Благо на темной лесной подстилке не покрытой снегом не оставалось следов от моих босых ног и о преследователях можно было забыть.

В какой-то момент неудачно скатился с крутого склона подвернувшегося на пути оврага. Во время падения на что-то напоролся боком, кажется это был торчащий из земли обломок сухого куста. Сильная боль в разодранном боку неожиданно привела меня в чувства. Какое-то время брел

вдоль ручья, текущего по дну оврага. Затем, когда склон стал более пологим выбрался наверх. На этот раз оказался в чистом поле. Далее мозг будто выключился, лишь помню, что куда-то брел, дикий холод терзал тело, отодвигая в сторону все прочие болевые ощущения от ран, полученных на склоне оврага и до этого при падении из вагона и ходьбе по лесу.

В какой-то момент заметил огонек на фоне темных деревьев и рванул к нему изо всех оставшихся силенок. Не добежал. Острая всепоглощающая боль подавила желание бороться за жизнь...

– А-а-а! – проснулся от громкого звука собственного голоса.

Вроде живой. Лежу под овчиной на матрасе, набитом душистой травой, и на такой же подушке. Ночная темень. Привычный гул ветра в печной трубе. Лихорадочно ощупал тело. Руки ноги на месте. Зудящий рваный шрам на боку никуда не делся. Все прочие болячки и трещины в ребрах, благодаря целебным мазям Василисы Егоровны, давно затянулись и более о себе не напоминают.

На мой крик из соседней комнаты прямо в ночной рубашке примчалась обеспокоенная хозяйка с горящей керосиновой лампой в руке. Присев на кровать сбоку, она поставила светильник на пол, и сухой ладошкой коснулась покрытого холодным потом лба. Затем для чего-то сжала между пальцев мочку моего правого уха. Кажется, ничего опасного для моего здоровья не обнаружила. И уже без тревоги в голосе

спросила:

– Что с тобой, милоч? Неужто сон нехороший привиделся?

– Именно сон, бабушка.

Я подробно пересказал доброй старушке содержание своего ночного видения, вызвавшего столь бурную реакцию моего нового не до конца окрепшего организма.

Выслушав мой рассказ, Василиса Егоровна какое-то время сидела, молча пялясь в бревенчатую стену. Наконец она вышла из состояния медитативного транса и негромко пробормотала себе под нос:

– Значица, ты у нас Андрей. Мать твою с сестрой, скорее всего, душегубцы кровожадные лишили жизни. Таперича понятно, как ты оказался один в нашей глухомани, босый и в своем легком костюмчике.

– А может быть, это всего лишь сон и никакого отношения к реальности не имеет?

– Не, малец, мню, не простой сон ты увидел. Фамилию, часом не узнал свою?

– Не, бабушка, не помню, хоть убей.

– Ладно, по утрае в Боровеск отправлюсь, может на станции что-нить удастся узнать. А ты покамест поплачь, коль невоготу будет. Слезы, мальчик, оне горе из души хорошо изгоняют и от всяких нехороших мыслей отвращают.

– Каких мыслей, бабушка? – поинтересовался я.

Старушка смутилась и пробормотала скороговоркой:

– Ладноть, спи, Андрюша. Завтрева дел полно.

Пожилая женщина осенила меня двуперстным знаменiem и удалилась на свою половину, отгороженную от прочего пространства дома дощатой перегородкой до самого потолка и обогреваемую одной из стенок кухонной печи. В свою очередь означенное помещение было разгорожено на две неравных половины. Что потеплее и поменьше была спальней Егоровны, а что побольше являлась приемным покоем для нуждающихся в срочной медицинской помощи жителей окрестных деревень и сел. Туда даже отдельный вход со двора имелся, чтоб – по словам хозяйки – «грязными ножищами чистый пол не топтали».

Я же сильно горевать не стал. Ну померли биологические мать и сестра этого тела, я их не знал, да и вряд ли когда-нибудь узнал бы, не случись злодейского нападения на беззащитных путешественников. Насколько я понимаю мать с двумя детьми ехала на поезде (интересно куда?). Мне известно из рассказов гостеприимной старушки, что в восьми верстах от её избы раскинулся уездный городишко Боровеск, через который проходит железная дорога, местные её еще называют «чугунка». На юго-западе она доходит до губернской Калуги, далее следует на Киев, потом к черноморским городам Российской империи. На северо-востоке чугунка через Подольск и ряд других городов ведет к первой и главной столице империи Владимиру. Василисе Егоровне в свое время довелось побывать в обеих столицах. О

Владимире она выразилась довольно обидно: «суета и неразбериха». Суздаль, по её мнению, «спокойствие и благолепие», недаром главная резиденция царей российских расположена именно там среди многочисленных православных храмов и монастырей. Владимир же больше деловой и политический центр Российской империи, там расположены все главные министерства, ведомства и прочие государственные учреждения. Еще одной столицей-торговой неофициально считается Нижний Новгород. Его Егоровна когда-то также посетила. «Дымишша», «грязишша» и «толковишша» – вот и все её эпитеты об этом мировом центре торговли и промышленности.

Так, слегка уполз мыслями по древу, просим прощения.

Получается, что я, мать и сестра ехали в поезде либо в направлении Калуги, либо в столицу. Здесь меня, как и в той жизни, зовут Андрей, Андрюха, Андрюша, Андрюшка, ну и Андрейка. Славно, привыкать к новому имени не нужно, как был Андреем, таковым и остался.

Еще жирнющий такой плюс, даже плюсище – это то, что оказался среди людей, говорящих по-русски. Пусть с окающим волжским говором, а не московским акающим, но общающихся между собой на привычном мне языке. Я знаю английский, немецкий, испанский и финский, на уровне свободного общения с носителями языка, но очутиться в теле обитателя Туманного Альбиона, бюргера какого-нибудь германского королевства или затюканного русскими чиновни-

ками чухонца не очень хотелось бы. Также категорически не желаю оказаться на Востоке, в Африке или среди первобытных индейцев одной из двух Америк. Короче, свезло, так свезло, тут уж не поспорить.

С другой стороны, середина девятнадцатого века. Эпоха непрерывных войн. Русская экспансия в Сибирь, на Дальний Восток и в Америку. С облегчением узнал, что крепостного права в том виде, каким он было в моей истории, тут никогда не существовало. Однако тут есть сельская община, выйти из которой крестьянину ой как не просто.

Виноват, снова отвлекся от интересующей меня темы.

Факт убийства женщины и дочери, а также пропажа второго ребенка наверняка заинтересует полицию. По делу будет проведено тщательное расследование, которое, в конечном итоге, приведет к избушке доброй бабушки Василисы Егоровны. Мир не без добрых людей и о неожиданном появлении в доме пожилой женщины несовершеннолетнего ребенка будет доложено кому следует.

Интересно, что за семья у нашего малолетнего Андрюши? Бельишко-то, да сюртучок на мне явно не из самых дешевых – звон как восхищалась ими Егоровна.

Еще один момент не дает мне покоя. Судя по внешнему виду душегубов, это вовсе не какие-нибудь банальные грабители. Ну не было на их руках наколотых перстней и внешность имели вполне себе располагающую. Ага, это я по обрывкам воспоминаний реципиента сужу. На мой же взгляд

вполне взрослого мужчины были, скорее, профессиональными киллерами из бывших военных. А вот из бывших ли? Вопрос.

Сильно сомневаюсь, что у матери были при себе крупные денежные суммы. Немного драгоценностей, ну еще какие-нибудь дорогостоящие вещички. Я пока что слабо ориентируюсь в нынешних финансовых реалиях. Но по опыту той прожитой жизни, можно предположить, что вряд ли преступников заинтересовало содержимое женского саквояжа. Ну если она не везла в нем несколько тысяч рублей для какой-то надобности. Но это вряд ли. Тогда что это было на самом деле? В случайности как-то слабо верится. Ну сидят два мужика в купе, маются от безделья, как водится, распили бутылочку-другую винца. Вдруг один другому:

– А не сходить ли нам, уважаемый, в соседнее купе дабы лишить жизни всех его обитателей?

Вы в это верите? Ага, вот и я не верю. Выходит, эта парочка целенаправленно села в вагон, чтобы совершить заранее спланированное и кем-то хорошо оплаченное убийство. Значит, моя биологическая мать и её дети кому-то ну очень сильно мешали. И этот кто-то не пожалел денег для того, чтобы от них избавиться.

Жуть какая-то вырисовывается. Прямо теория заговора.

Откровенно говоря, меня мало волнует смерть по сути чужих мне людей. По-человечески мне их, разумеется, жалко, но в том прежнем мире, когда в новостях каждый день со-

общалось о десятках и сотнях погибших в катастрофах или от террористических актов, душа огрубела, что ли, и чужая смерть уже не воспринималась как нечто из ряда вон выходящее. А еще фильмы, где убивают едва ли не в каждом кадре грязно с потоками крови, приучили меня воспринимать смерть без должного страха и пиетета, а как некую абстракцию, существующую где-то там далеко не в этой жизни.

Единственным потрясением для меня был уход деда и бабушки. Оба умерли едва ли не в один день, сначала дед от воспаления легких, за ним и бабуля от тоски по любимому человеку. Случилось это давно, когда мне было всего-то шестнадцать лет, но зарубка в душе осталась глубокая. Родители, брат и сестра, слава Богу, живы, а другой родни у нас, вроде как, и не было. Мать сирота воспитывалась с малолетства в детдоме. Впрочем, батя как-то упоминал какого-то то ли троюродного, то ли четвероюродного дядю, проживающего во Франции. Этим только разбередил юношеские мечты о богатом наследстве, полагающемся нашему семейству после смерти заграничного родственника. Откуда только взял, что дядюшка миллионер? Понапридумывал себе невесть что, тьфу, прям вспомнить стыдно.

Во всей этой истории с моим побегом из пассажирского поезда меня интересует лишь один момент – станут ли меня искать те, кто заказал убийство матери и двух детей? С одной стороны, мальчишка от силы лет двенадцати-тринадцати, без теплой одежды и приличной обуви соскакивает с ле-

тящего на полном ходу поезда и оказывается в лесу. И это не лес средней полосы моего мира, где все хищное зверье давно повыбито и волка или медведя можно было встретить лишь в специальном заповеднике. Здесь этого добра хватает за глаза, и мне здорово повезло не наткнуться на стаю волков, рысь, росомаху или еще какую зубастую и очень голодную медвежуть. Случись такое, через пару дней никакая комиссия не обнаружила бы даже моих косточек, тем более выпавший снег скрыл бы до весны все следы, а там, если кто-нибудь и обнаружит обрывки детской одежды, вряд ли помчится в полицию докладывать о своей находке. Люди чаще всего бывают равнодушными к чужой беде и предпочитают не связываться с официальными властями. Выходит, исполнителям выгодно доложить заказчику о несомненной гибели мальчишки в лесу.

Ну доложат, а где доказательства? Если целью убийства были все трое, вряд ли заказчика удовлетворит невнятное блеяние о моей практически стопроцентной гибели. Выходит, стоит ожидать появления любопытствующих визитеров, задающих всякие интересные вопросы.

«А не появлялся ли в вашей деревушке пацан вот с такими приметами?», – а может еще и портрет покажут.

Это пока о моем появлении в доме доброй Василисы Егоровны Третьяковой никто из местных не в курсе. Но народ глазастый рано или поздно все прознает и, увидев портрет, непременно похвастается, мол, видел такого, живет у бабки

Егоровны приبلудыш. Интересно, сколько времени я проживу после этих откровений?

С другой стороны, я здесь уже больше двух месяцев. Все это время в основном находился в лежачем положении. Даже не из-за полученных травм. Просто моя нынешняя бренная оболочка никак не желает принять чужое духовное содержание. У меня обычно что-то подобное случалось с новой обувью. С кроссовками проблем не было, но с кожаными туфлями наблюдалась одна стандартная заморочка – обувь даже от самых продвинутых изготовителей поначалу натирала ноги до кровавых мозолей. Лишь через какое-то время шузы обнашивались, и переставали причинять дискомфорт. Только последнюю неделю мне худо-бедно и со скрипом удается подниматься с койки. Ненадолго.

Если поисковые работы в окрестностях проводились, никто из местных меня не мог выдать. Вряд ли поиски затянулись надолго. Приехали какие-то важные господа, опросили население какой-нибудь окрестной деревушки, возможно, показали мой портрет. Поимев отрицательный результат, отчалили к следующему населенному пункту по списку. За пару месяцев всяко уложились. Выходит, опасаться кого-либо мне не стоит. А еще за это время мои волосы здорово отросли. Добрая Василиса Егоровна обещает остричь патлы, пожалуй, уж очень укорачивать их не стоит. Под горшок ножницами, и достаточно, стану похож на среднестатистического крестьянского малолетка.

Вообще-то в связи с моим окончательным выздоровлением возникает насущный вопрос: «Как мне быть дальше?». Разговора с Егоровной пока на эту тему не заводил, но не век же мне висеть на её шее. Очухаюсь, глядишь, и попрут со двора, мол, я тебе никто, вали, откедова появился. И отвалю. Вопрос – куда? В ближайший город? Сдаться полиции, мол так и так, напали в поезде, сбежал, потерял память, ищу родню.

А где гарантия, что какой-нибудь служитель закона не подписался за вознаграждение докладывать кое-кому о появлении всяких подозрительных пацанов моего возраста и внешности? Во-во, и я о том же. Донесет, за мной приедут и, как положено по условиям договора, прибьют и прикопают в тихом месте. Я, конечно, знаю, куда попадет моя душа после очередной смерти, но возвращаться обратно во мрак бесконечного Ничто, чтобы в нем раствориться, или потерять память в сияющем Нечто и отправиться на очередной цикл перерождений желания не возникает. Я хоть испытал непередаваемый шок от вселения в тело ребенка, но постепенно осознал все прелести моего нового существования. Впереди целая жизнь. Пусть исторические реалии и условия существования вообще не соответствуют тем стандартам, к которым я привык. Стерпится – слюбится. Жаль, что я не всезнающий Вассерман или какой супер-пупер продвинутый выживальщик типа Баженова, завсегда готовые оказаться где угодно и двинуть прогресс со страшной силой. Однако наде-

юсь, что и у меня найдется что-нибудь такое, чего не стыдно предложить этому миру. Пока не знаю, что, но надежды не теряю. Вот только достигнуть бы возраста, когда к моим словам начнут прислушиваться взрослые дяди. Может быть, даже автомат Калашникова смогу учудить. Не, пожалуй, не получится, мне знаком только принцип действия, а дьявол, как известно, кроется в деталях, да там еще патрон изобретать... Нет, не стану даже пытаться заниматься ерундой. Придумаю что-нибудь другое. Например, создам новую религию. Расскажу людям о том, что их всех ожидает после смерти. Организую горстку сектантов, буду им втюхивать в воспаленные головы о золотом Чистилище и грядущих перерождениях, а они в благодарность станут меня содержать и одаривать своей любовью, особенно юные девы, ну и от взрослых дам в соку не откажусь. Хе-хе-хе!

Эко, Андрюха тебя занесло, – мысленно укорил сам себя, – хватит ерундой маяться, давай-ка глазки закрывай и спать.

Баранов считать не пришлось. Заснул моментально. Проснулся, как обычно, когда Василиса Егоровна, уже растопила печь и принялась двигать чугуны в печи посредством ухвата и еще греметь чем-то тяжелым.

Поднялся, кряхтя, с постели. Надел выделенные хозяйкой порты из домотканого полотна, рубаху-косоворотку, обмотал ноги портянками, сунул их в валенки и, накинув на плечи полушубок, медленно вышел во двор. Теперь, когда по-

лучил возможность передвигаться на собственных ногах, отправлять естественные потребности дома в помойное ведро категорически отказался.

Посетил туалет, подтерся всё тем же сфагнумом. Покинув благословенное место, прогулялся по двору. День обещает быть довольно теплым, но облачным. За ночь снегу напало сантиметров десять, пожалуй, после завтрака стоит заняться его уборкой. Набрал горсть снега, слепил комок и хотел, было, метнуть его в стоящую неподалеку елку, но, заметив присевшую на забор сороку, решил поменять цель. Разумеется, промазал. Осторожная птица вовремя углядела манипуляции двуногого существа и пулей взвилась в воздух, недовольно стрекоча на лету.

Возвел очи Горе, вдохнул свежий лесной воздух. Хорошо-то как! На дворе вьюжистый февраль с периодическими оттепелями. Весна неумолимо приближается. По словам Василисы Егоровны, климат тут заметно мягче, нежели в средней полосе России моей реальности. Зима начинается где-то в первой декаде декабря, заканчивается в начале марта. Короткое весеннее межсезонье, и к концу апреля травка зеленеет, солнышко блестит, вишни, яблони, груши зацветают, ласточки и всякие там стрижи прилетают. Короче, лето начинается, пора зерновые сеять, картошку сажать со всеми прочими огурцами и томатами, ну и брюкву с репой. Как же без них? Лето достаточно длинное, поэтому с рассадой и теплицами здесь замораживаются только особо отмоорожен-

ные огородники – все и так вызревает, даже дыни с арбузами. До начала октября тут настоящее лето. Осень достаточно теплая, но периодически случаются ночные заморозки.

При заботливом отношении к земле, крестьяне получают приличные урожаи разных культур. Хватает для прокорма семьи, домашней скотины, уплаты налогов и на продажу остается. Случаются, разумеется, неурожайные годы, зальет поля дождями или градом побьет, а также иные напасти. На этот случай крестьянская община имеет определенный запас зерна и других продуктов для своих членов.

Позавтракали с Егоровной блинами со сметаной и вареньем, выпили по кружке ароматного кипрейного чая с медом. Я мёл еду как не в себя. Старушка, глядя на меня, улыбалась счастливо, да приговаривала время от времени:

– Кушай, милоч, едой силу не вымотаешь. Как полопашь, так и потопашь. – И еще в этом духе разных народных «мудростей».

Набил брюхо до отказа, поблагодарил хозяйку по-местному канону:

– Спаси Христос тебя, Василиса свет Егоровна!

– И тебе не хворать, Андрюшенька! Меня днесь до вечера не будет, а мобыть возвернусь только к завтрешнему обеду али к вечеру. Ты не волнуйся. Щи, картоха в печи в чугунках. Хлеб, соль, масло сало, мед и прочее, знаешь, где хранятся. Не забудь покормить вечером Сидорку и завтрева по утрае. Много не давай, избалуется, мышей ловить перестанет.

Черная бестия по имени Сидор, едва заслышав свое имя, тут же соскочила с теплой печи на пол и начал яростно тереться о ноги хозяйки, мурча при этом что тот трактор.

– Хорошо, бабушка, всё сделаю, как ты сказала.

Поначалу я обращался к своей спасительнице на «вы», но той было непривычно столь благородное обхождение. Категорически потребовала обращаться к себе на «ты». Было как-то не очень удобно, постепенно привык, хоть иногда и срываюсь на куртуазное обращение.

Егоровна начала готовиться к поездке в уездный Боровск. По её словам, в полуверсте от избышки расположена деревня с хорошим названием Добролюбово, там у нее знакомый мужик по имени Елифан, владеец санного экипажа, «готовый завсегда угодить баушке за копеечку добрую».

Скорее всего, поездка была заранее запланированной, иначе каким-таким чудесным образом Егоровне удалось сообщить возчику о её намерении прокатиться до уездного города? Хотя кто знает этих загадочных старушек, может быть секрет какой имеется, например, помахать тряпкой на крыльце или кинуть в топку специальных травок, чтобы дым из трубы погуще да почерней шел. Наблюдательный селянин заметит и прискачет к платежеспособной бабусе.

Откуда у Егоровны деньги? Так от благодарных пациентов. В большинстве своем крестьяне оплачивают её услуги харчами, редко медью, еще реже серебром. Впрочем, предприимчивая старушка вовсе не против, большую часть под-

ношений она отвозит в город и сдает по оптовым ценам в одно из тамошних предприятий общественного питания на железнодорожной станции. В результате всегда при деньгах и нос в табаке. Насчет последнего я не шучу. Грешит старушка нюханьем этой отравы. Говорит, дескать, мозги прочищает.

Через полчаса хозяйка укатила на санях, запряженных парой рыжих коней. К сожалению, в лошадиной масти не разбираюсь, поэтому сказать точное название расцветки рысков не имею возможности.

Я взял в руки деревянную лопату и побрел расчищать двор от снега.

Глава 3

*Ну что ты, брат-ведьма,
Пойти-ть посмотреть бы,
Как в городе наши живут!..
В.С. Высоцкий*

Василиса Егоровна Третьякова сидела санном возке. Голова её была занята собственными мыслями женщина совершенно не обращала внимания на проплывающие мимо пейзажи. По большому счету, оно и смотреть-то было особо не на что. Унылая дорога, основательно укатанная крестьянскими санями, испещренная темными проталинами, образовавшимися по причине резкого потепления. Мрачный лес в сотне саженой от тракта. Над всем этим тяжелое серое небо, из которого время от времени сыпалась снежная крупа вперемишку с дождем.

Мысли женщины текли в направлении ночного кошмара приبلудного мальчишки, проживавшего в её избе вот уже больше двух месяцев. Поначалу привыкшая к одиночеству она была не очень рада откровенной обузе, свалившейся на её плечи. Однако не выгонять же живую душу на лютый мороз. Так или иначе, пришлось ухаживать за неожиданно свалившемся на её бедную голову мальчонкой. Справедливости ради, стоит отметить, что уж очень много хлопот больной

ребенок привычной к тяжелому физическому труду женщине не доставлял. Смазать раны целительскими мазями, протереть хилое тельце смоченной в воде тряпицей, убрать набухший изгаженный сфагнум от чресл ребенка и заменить новым, напоить настоем трав, а когда тот стал способен принимать пищу и накормить – не велики труды. Зато в доме появилась живая душа, с которой можно словом перемолвиться. Сама не заметила, как попривыкла к вынужденному постояльцу.

Егоровну немного беспокоило полное незнание мальчишкой элементарных жизненных реалий. Это же надо было так переволноваться, чтобы забыть откуда родом, и кто твои родители. Впрочем, не мудрено, чай верст не менее пяти отмахал, а то и больше по морозу практически без одежды, да зашибся при падениях сильно.

К тому же, Андрей сплошная загадка. Его не по-детски глубокие вопросы обо всем на свете. Временами задумчивый взгляд, да и сам при этом зависает, будто размышляет о чем-то очень важном для себя. А еще его говор странный. Так говорят люди с московских болотин – акают, словно гуси растревоженные и лопочут быстро-быстро, будто куда торопятся. Да и словечки всякие непонятные, будто заграничные то и дело проскальзывают: анриел, дас ист фантастиш, читернул, пипец, ошизеть и еще много всякого эдакого. Такое впечатление, будто пацан долго жил где-то в неметчине, там и понахватался.

Ладно, может что и вспомнит потом, когда в полное сознание придет. Оно ведь до сегодняшнего дня вообще ничего о себе не знал, имени своего не мог назвать и вдруг этот сон. Страшный кровавый, однако проливающий хоть какой-то свет на случившиеся два месяца назад события.

– Эй, Епифан! Притормози-тко! К тебе подсяду на облучок, разговор имеется.

– Счас, Егоровна, – невеликий статьяи мужичок лет за сорок в тулупе, валенках и меховой ушанке дернул поводья и скомандовал лошадам: – Тпру-у-у!

После остановки знахарка вышла из возка, уселась рядом с возчиком и тут же завела интересующий её разговор:

– А скажи-ка, Епифан, каково счас в Добролюбово? Как житье-бытье? Не было ли каких событий особенных, аль гостей неожиданных?

На вопросы мужик ответил не сразу. Впрочем, размышлял недолго.

– Дык, приезжал к Новосёловым надясь свояк. – И блаженно зажмурившись продолжил: – Хорошо погуляли тогда считай всем опчеством. Не поскупился Фрол, выставил ведро казенной. Хоша потом и до домашних запасов дошло...

– Ты мне про пьянство не гутерь! – оборвала счастливые воспоминания Епифана старушка. – Ты по делу рассказывай.

– Вообще-то ничего такого и не случилось. У Бурмистровых сарай загорелся, к счастью, на дом не перекинулось, только свин окочурился. Не сгорел, задохнулся. Ну мы его

оприходоввали, чтоб, значаца, добро не пропало. А чё, мясо оно вполне скунсное, хоша и дохлятина, по сути.

– А боле из чужих никто не приезжал?

– Не, Егоровна, никого не было... Ах да, урядник вначале зимы посетил, так сказать. О чем-то со старостой говорили. О чем – нам не сказывали. А так всё тихо-мирно. Блаа-дать! Делов у людей по зиме токо за скотиной ухаживать, да игрушки резать из липы на весеннюю ярманку в Боровеске. Купцы в последнее время очень антиресуются, скупают, не торгуясь. Грят, даже в Европах товар сбывают, даже в Китай и Персию возят. А по мне, таки одно баловство...

– Просто руки у тебя кривые Епифан, не приспособлены к тонкой работе с деревом, – одернула мужика Егоровна.

– Эт точно, – ничуть не обиделся возничий, – с деревяшками не в ладах, зато коняги мои кормят. У всяка свой гешефт.

– Эко ты словечек понахватался, братец.

– Дык недавно ажно целую неделю купчину из жидов возил по окрестностям, да не одного, а с целым ихним кумпанством. Чёй-то оне тут вынюхивали, баушка. А у них что ни слово, так: гешефт, шлимазлы, о вэй и не морочьте мне мозг. Иной раз как начнут тараторить, хрен разберешь, хоша вроде бы и по-русски, а вот как бы и не совсем.

– А чего хотели?

– А бог их знает. Вроде землицы прикупить для разведения свиней, нас гоев кормить. Поначалу с помещиком За-

слоновым вроде бы сторговались. Дык селяне во главе с отцом Кондратием как узнали, похватали вилы да косы, явились ко двору и пообещали... это, как его?.. аутодахве устроить, иначе говоря, спалить помещика со всеми его хоромами. Бунт, конечно, полиция приезжала. До стрельбы дело не дошло, но Заслонов спужался знатно, жидам отказал и аванс возвернул. Расстроились купчины, жуть как, мне не доплатили ажно пять рублёв. А я-то тут причем? Возил справно, куды скажут. Вот так, Егоровна, и начинаешь понимать, отчего народ жидов не любит.

– Да ладно, те, – неожиданно возмутилась старуха, – поди срок договорной не отработал, а на людей хулу наводишь!

– Что верно, то верно, – сняв с головы ушанку, крестьянин почесал плешистый лоб, – договаривались на две седмицы, а получилось так, что возил одну.

– Ну вот, а чего же ты хошь?! Аванс не отобрали, скажи спасибо.

Разговор на какое-то время затих. На въезде в город у моста через речку Протву случилась заминка. Две встречные крестьянские повозки не смогли разъехаться на узкой дороге, сцепились оглоблями. Таким образом создался приличный затор из конных экипажей по обе стороны моста. Любопытный Епифан умчался «оказывать помощь». Василиса Егоровна вернулась обратно в возок на пассажирское место.

Город Боровеск, расположенный на правом холмистом берегу реки Протва, ничем особенным знаменит не был. Насе-

ление порядка пятнадцати тысяч душ, три тысячи дворов с подворьями и огородами широко раскинулись вдоль берега петляющей будто змея реки. Какое-то время основным занятием местного населения было садоводство и огородничество. Боровеские соленые огурчики и маринованные грибы пользовались ажиотажным спросом далеко за пределами Калужской губернии, а моченые в квашеной капусте яблоки подавались к столу самому государю императору и его семейству. Промышленное производство здесь издревле представляют несколько суконных и ткацких фабрик, изготавливающих грубое шерстяное сукно и льняное полотно в основном для армейской надобности. После того, как в двух верстах от города прошла железная дорога, Боровеск начал потихоньку прирастать населением. Продвинутая молодежь из окрестных сел и деревень устремлялась на «чугунку» чтобы освоить новые технические специальности: слесаря-ремонтника, машиниста паровоза, путеобходчика, на худой конец, кочегара, кондуктора и множества других профессий.

Именно к железнодорожной станции для начала направился возок крестьянина Елифана. Если конкретно, к при вокзальному трактиру Еремея Силыча Сидорова. Управляемый опытной рукой экипаж лихо въехал на трактирное подворье и остановился прямо у главного входа.

Прибытие Егоровны не осталось без внимания. Сам хозяин трактира, мужчина лет пятидесяти, с седой окладистой бородищей едва ли не до пояса, при этом с практически ли-

шенной растительности головой. Был он человеком очень высоким, ростом едва ли не сажень и соответствующим разворотом широченных плечей. Комплекции был могучей (по слухам в молодости легко ломал подковы и гривенники пальцами закатывал в трубочку), но с возрастом начал страдать от избытка веса и связанными с данным обстоятельством недугами. Благодаря снадобьям сельской знахарки он не превратился в руину, за что очень уважал старушку и был рад принять её у себя в любое время дня и ночи.

Вылетев на крыльцо, он подскочил к возку и, ухватив пожилую даму за ручку, радостно запричитал:

– Какие гости, Боженьки мои! Уважаемая Василиса Егоровна! Благодетельница наша! Рад, рад тебя видеть! Добро пожаловать в наши палестины!

– И тебе не хворать, Еремеюшка! – Третьякова с царственным видом поприветствовала трактирщика. – Угол, да ложка каши в этом доме, надеюсь, найдутся для пожилой женщины?

– Окстись, Егоровна! – возмущенно воскликнул трактирщик. – Даже если все номера будут заняты, сам пойду ночевать на сеновал, но тебя привечу по самым наивысшим стандартам!

Спаси тебя Христос, добрый человек! – Василиса Егоровна одарила Сидорова благожелательным взглядом, после чего, повернувшись к вознице, спросила: – Епифан, ты у родни ночевать будешь, али для тебя тут место подыскать?

– Не, Егоровна, у свояка перекантуемся, а счас бы роздыху лошадам с кормежкой предоставить, а мне щец, да водочки шкалик для сугреву, да чаю индейского с ватрушками. Уж больно выпечка славная у Еремея Силыча.

– Будет тебе всё, что просишь, и лошадам твоим овес, – усмехнулась женщина, – тока сначала дело. – Переведя взгляд на трактирщика сказала: – Еремей Силыч, ты бы кликнул своих халдеев, чтобы сани разгрузили. Привезла тебе тут от излишков своих.

– Это мы мигом, – Сидоров ощерился парой недостающих зубов, – Егоровна, а как насчет мазей твоих чудесных, да настоев целительных, да пилюль волшебных? У меня запас на исходе.

– Всё есть, Еремей, тока об этом вечером поговорим, когда возвернусь. А пока води баушку в свои хоромы, устала с дороги, а мне еще полгорода объехать сѣдни. А тебе, Епифан, полтора часа на все про все, так что не тyani и будь готов к выезду.

– Слушаюсь, ваш-ство! – по-военному отрапортовал возница, радостный от предвкушения вкусного обеда со шкаликом водки и плюшками под чай за счет доброй Егоровны. Вообще-то в армии ему служить не довелось, но насмотрелся за долгую жизнь на разных служивых, даже перенял кое-какие их манеры и ухватки.

Женщина не обратила внимания на кривляние наемного работника, уцепилась за толстенный бицепс Еремея Силыча

и с достоинством боярыни пошагала вверх по довольно крутым ступенькам высокого резного крыльца.

В ресторации трактира было вполне уютно. Хозяин, на дух не переносивший запаха табака категорически запрещал посетителям смолить в общем зале. Для заядлых курильщиков было отведено специальное помещение, на худой конец, можно было выкурить сигарку и во дворе. Иногда на этой почве случались конфликты, кто-то пытался нарушить установленные правила. Но стоило хозяину предстать перед бузотером во всей своей несокрушимой могучности, желание скандалить у бузотера напрочь пропадало. Лица благородного происхождения предпочитали принимать пищу в отдельных кабинетах, там курить разрешалось.

Егоровна отказалась уединяться в кабинете. Ей нравилось наблюдать за людьми. Еремей Силыч галантно усадил старушку за отдельный столик в сторонке от чинно снедающих обывателей и весело гомонящей компании военных, коротающих время за бутылочкой игристого вина перед отправкой своего состава к месту дислокации воинской части. И, оставив на попечение расторопного халдея, удалился по своим делам.

Как только пожилая дама сделала заказ с соседнего столика её окликнул, невысокий мужчина неприметной наружности в гражданском сюртуке и знаками различия в петлицах коллежского секретаря:

– Василиса Егоровна! Какими судьбами?!

Старушка повернула голову и в свою очередь радостно всплеснула ручками. Пожалуй, это именно тот самый человек, способный пролить свет на некоторые интересующие её вопросы – главный почтмейстер при железнодорожной станции Виталий Романович Величко.

– Виталий Романович, рада вас видеть! – Дама поднялась со своего места и, подойдя к столику чиновника, спросила: – Если не возражаете, уважаемый, присоединюсь к вам. Одной за столом как-то не комильфо.

– Ну что вы дрожайшая Василиса Егоровна, – почтмейстер вскочил со стула, подбежал к даме и галантно отодвинул стул, чтобы той было удобно сесть, – лицезреть вас и вкушать пищу в вашем присутствии для меня великая честь. Боренька, сынок и единственный наследник, после ваших процедур, будто заново родился. Я и супружница моя каждый раз при посещении храма ставим свечу перед иконой Николая Угодника за ваше здравие.

– Спаси Христос! – перекрестилась старушка, а за ней и коллежский секретарь. – Рада, что у Бориса всё хорошо. Если бы на пару дней припоздали, быть беде. Цепень разросся и практически закупорил кишечник. Куда тока врачи смотрели?!

– Врачи, врачи! – горестно воскликнул Величко. – Что они знают эти врачи?! Учат их учат в университетах, а толку никакого. «У вашего мальчика, сужение тонкой кишки, опухоль, резать нужно». Благо не послушался эскулапов, к вам

поехал. А когда червяк наружу полез, мне ажно дурно стало, едва не вырвало. Хорошо супруга моя при этом не присутствовала. Не приведи Господь вновь повторится.

– Овощи мойте тщательно, воду пейте тока кипяченую, мясо и рыбу варите подольше, руки мойте перед едой, от кошек и собак ребенка держите подальше. Малой он еще у вас, Виталий Романович, погладил по шерстке котейку, пальцы в рот сунул, а что там было на той шерстке и на пальчики перешло, одному Господу нашему ведомо.

Тем временем в залу примчался служка с подносом, на котором исходил паром небольшой самовар с заварочным чайником китайского фарфора и прочими приборами для чаепития, а также блюдом с разными заедками. Обнаружив пустующий столик, забежал глазами по помещению. Наконец нашел взглядом старушку, мило беседующую с главным почтмейстером и резко поменял траекторию движения.

– Василиса Егоровна, что-нибудь еще изволите заказать? – разгрузив поднос, угодливо заулыбался халдей, после того, как серебряный гривенник, протянутый сухенькой женской ручкой, удобно пристроился в одном из карманов его рабочей одежды.

– Ступай, голубчик. Ежели чего понадобится, позову. Не забудь обслужить моего возникшего. Скоро должен подойти.

– Буисделано, не извольте беспокоиться, – отрапортовал официант и будто растаял прямо в воздухе. Третьякова помотала головой, отгоняя морок, затем понюхала воздух, не,

волшбой не пахнет. Значит, просто примерещилось.

Женщина выпила две чашки чая в прикуску с восточными сладостями, кои регулярно поставляют в российскую глубинку пронырливые купцы из далеких стран: Персии, Китая, Индии и даже с каких-то южных островов. Утолив жажду и голод, Егоровна отодвинула чашку подальше от края стола, чтобы ненароком не разбить и проницательными взглядом посмотрела на сидящего напротив Величко.

– А вы все по почтовой части, уважаемый Виталий Романович?

– По ей самой, Василиса свет Егоровна. Мню, до самого моего пенсионера здесь продержат. Да и прижились в Боровеске с Екатериной Львовной и Боренькой. Нам здесь хорошо. Домик, сад, огородик небольшой. Оклад грех жаловаться. Хватает на семью и пару слуг содержать Катеньке в помощь по хозяйству. Работа хоть и беспокойная, но интересная. Чего еще от жизни желать?

– А чего беспокойная? Вроде раньше не жаловался, – насторожилась Третьякова.

– Дык сам не понимаю, – недоуменно пожал плечами почтмейстер. – До этой зимы все было спокойно, а вот с прошедшего декабря столичное начальство будто наскипидарили в интимных местах. Проверка за проверкой. Хорошо, что трясут в основном непосредственно железнодорожников, но и нам почтарям изрядно перепадает от внимания всяких инспекторов, уполномоченных и прочих проверяющих. Я точ-

но не знаю, но поговаривают, душегубцы прям в поезде лишили жизни какую-то весьма родовитую даму с двумя её де-тишками. Не зарезали, как водится, у обычных бандитов, а придушили, чтобы не проливать благородную кровь. – Величко наклонился к даме и, понизив громкость голоса едва ли не до шепота, сказал: – Слухи ходят о грядущей войне между боярскими родами. Да и вообще беспокойно как-то стало окрест. Газету в руки возьмешь и жить не хочется. Недавно прочитал будто к нашей Земле приближается гигантский камень, едва ли не с Луну размером. А ну как хрястнет по нам, так и не спрячешься никуда, как тараканов безмозглых всех людишек расплющит. А еще, в Индейском окияне на острове Кракатау извержение вулканическое случилось. Скоро всю Землю смогом затянет, Солнца не увидим ажно сто лет...

Панический словесный понос собеседника быстро надоел Егоровне. Вроде с виду приличный уравновешенный мужчина, а начитался всякой псевдонаучной ерунды, теперь потихоньку обрастает параноидальными комплексами.

– Вы, Виталий Романович, поменьше бы всякой ерундой увлекались. Где это видано, чтобы планиды на головы людям падали? И вулканы, насколько мне известно, постоянно извергают из недр земных дым, огонь и серу, и пока что небеса не заволокло. Господь не допустит подобного непотребства, мы тут не Содом с Гоморрой, а православные христиане, живем в благочинии и страхе перед гневом Всевышне-

го. Вы лучше вот что мне скажите: из какого рода была та женщина?

— Какая женщина? — коллежский секретарь недоуменно заморгал глазами на Егоровну.

— Ну которую душегубцы жизни лишили.

— Ах, это! — радостно воскликнул Величко. — Так сие мне неведомо. В газетах этот случай так и вовсе огласки не получил, так что фамилию безвинно убиенных женщины с детишками назвать не могу. — Мужчина встрепенулся, извлек из бокового кармана своего форменного кителя часы-луковицу на цепочке и, посмотрев на циферблат, извинился перед собеседницей: — Прошу прощения, уважаемая Василиса Егоровна, но дела-с, никуда от них не деться. Позвольте откланяться. Рад был с вами повидаться. Появится свободное время, добро пожаловать к нам в гости. Екатерина Львовна будет рада, а уж Борюсик-то как обрадуется, словами не передать!

Главный почтмейстер ушел, а Егоровна наполнила чашку заваркой, затем разбавила кипятком из самовара и в состоянии полной отрешенности принялась потихоньку прихлебывать ароматный чай, собранный на далеком тропическом острове Цейлон ловкими пальчиками темнокожих работниц и доставленный в порт Рига быстроходным английским клипером, а затем по железной дороге и гужевым транспортом развезен по всей европейской части России-матушки. Впрочем, голова пожилой дамы была занята вовсе не долгой до-

рогой чайных листьев к её столу, а совершенно иными мыслями.

Итак, зверское смертоубийство в декабре прошлого года вовсе не было плодом воспаленного воображения Андрюшеньки. Мальчик действительно стал свидетелем гибели родных ему людей. Молодец, не растерялся, выпрыгнул из мчащегося на всех парах поезда. Господь всемогущий и милостивый уберег его, не позволил сгинуть в зимнем лесу без одежды и обуви, кровожадных хищников отвел и верный путь указал туда, где смогут помочь.

«Выходит мне знамение, – сделала заключение Василиса Егоровна, – если что, приложить все возможные усилия, чтобы не допустить гибели отрока Андрея. Получается, нужен он Спасителю для какой-то неизвестной пока что надобности, потому и сохранил».

В общем-то, вполне здравые мысли, укладывающиеся в философско-религиозные каноны российского православия девятнадцатого века. Люди искренне верят в Бога, и всё, что происходит вокруг непременно связывают с его волей. А уж если это выходит за рамки обыденного, тут уж и вовсе без Бога ну никак.

В назначенное время возок, запряженный парой каурых лошадей, весело двигался по кривым сильно зауженным су-гробами улицам уездного города в сторону его центра.

Вот и знакомый дом полковника от инфантерии в отставке Родионова Владислава Терентьевича, назначенного указом

Его Величества Государя Императора градоначальником Боровеска. Двухэтажный кирпичный особняк, окруженный тенистым садом, вдобавок отделенный от шума торговых рядов липовой аллеей. Сами дом и сад опоясывала ажурная кованная ограда в виде острых пик.

Возок остановился у витиеватых ворот. Епифан без поуканий покинул место возничего и, подбежав к полосатой будке охранявшего ворота бдительного стража, бодрым голосом доложил:

– Василиса Егоровна Третьякова мелкопоместная дворянка, по личному делу к Его Высокоблагородию!

Вне всякого сомнения, Егоровну тут знали и неоднократно привечали. Страж ворот, повернувшись к возку низко поклонился выглянувшей оттуда старушке:

– Наше вам почтение, глубокоуважаемая Василиса Егоровна!

В ответ женщина улыбнулась и поинтересовалась:

– Как твой свищ, Никодим Макарыч? Не беспокоит?

– Храни тя Христос, матушка, за твою душевность и доброту. Как попил твою зелья, так все будто рукой сняло.

– Береги кусалки, водицу ледяную не пей более и слишком горячего тоже. Перед сном вином хлебным полощи, да внутрь не употребляй, выплевывай...

– Дык где ж это видано, чтобы водку выплевывать?! Мы её непременно внутрь. Вот спасибо Василиса Егоровна! А то моя мымра как достану штофф, начинает вопить во всю свою

луженую глотку, мол, хватит её жрать окаянную. А как не выпить, когда тебя ежедённо и даже еженощно пилят словесно, иногда действием. Ты бы хотя какое успокоительное для моей бабы дала, что ли.

На что дама язвительно усмехнулась.

– Ага, чтобы выпила и навеки упокоилась? Ты это имеешь ввиду?

– Чур, чур тебя! Грех это великий травить живых людей. Не, до смерти не надо, а так, чтобы орать перестала, да ко-чергой махать, что ни попадя.

– Ты нас внутрь запускать собираешься?

– Дык, прощеньица просим, уважаемая.

Ворота распахнулись, возок вкатил во внутренний двор резиденции городского головы.

– Вот скажи мне, Владислав Терентьевич, – отхлебнув из тонкой фарфоровой чашки новомодного кофею Егоровна завела интересующий её разговор, – я собираюсь в гости к родне в Нижний и вдруг узнаю на железной дороге непо-рядок, женщин беззащитных душегубцы жизни лишают. А мы люд православный ничегошеньки об этом не знаем. Вот поеду на поезде, а ко мне в купе ворвутся, мало отберут всё добро, насильничают, да пришибут как слепого котенка.

Кофеи гоняли в личном кабинете городского головы. Егоровна передала супруге градоначальника очередную порцию лекарственных средств от многочисленных болячек настоящих и мнимых семейной пары: мазей и пилюль для внут-

ренного приема, и та удалилась заниматься экстренным восстановлением здоровья. Тем временем полковник Родионов, как человек гостеприимный, вынужден был за чашкой кофе развлекать неожиданную визитершу.

– Это откель у тебя такие сведения? – поинтересовался градоначальник и скептически посмотрел на придавленное возрастом и жизненными невзгодами к земле старое тело и на изборожденное морщинами лицо, реально оценивая возможность изнасилования хоть кем-нибудь пожилой лекарки.

– А ты не уклоняйся от вопроса! – не унималась старуха. – Скажи, факт такой имеет место, али люди врут? – Затем, сбавив напор, просящим голосом продолжила: – Я ж не ради любопытства спрашиваю, Владислав Терентьевич, мне в мае путешествие предстоит, так вот, даже не знаю, ехать али не ехать. А если ехать, левольверт брать с собой, али дома оставить. Стрелять-то я могу, но боюсь кого не того невзначай порешу сослепу.

Вид воинственной бабки изрядно повеселил отставного вояку.

– Не, Василиса Егоровна, стрелять должны люди, тому специально обученные и уполномоченные властями. Будь я на месте нашего Государя, тут же издал указ об отмене свободного ношения гражданскими лицами огнестрельного оружия.

– Ага, получается, бандитам нас мирных христиан убивать разрешается, а нам душегубцев трогать нискни? Так что

ли? – Егоровна с укоризной посмотрела на полковника Родионова.

– Ни в коем случае. Просто в стране должен быть во всем порядок. Жулики, бандиты и прочий преступный элемент должны находиться в тюрьме. Благо у нас для этого Камчатка, Сахалин да Аляска имеются. То же самое касается всяких политических и прочих смутьянов, супротив данной Богом власти выступающих. Всех, на освоение новых земель. Вот тогда благодать и спокойствие в государстве Российском настанут. А насчет твоего вопроса, действительно придушили женщину с несовершеннолетней дочерью сын малолетний куда-то пропал, предположительно прыгнул с поезда на ходу, да сгинул в лесной чаще. В общем, исчез бесследно. Там какие-то родовые разборки, то ли она бежала от нелюбимого мужа, то ли её выгнали за что-то из семьи супруга. Дела темные, нам простым смертным лучше об этом не знать.

– А как звать-величать покойницу-то?

– Иноземцева Наталья Прохоровна, в девичестве Шуйская тридцати четырех лет, девочка Алена четырнадцати годков от роду, сын двенадцати полных лет, зовут Андрей. – После этих слов градоначальник широко заулыбался и с явной подковыркой продолжил: – Так что Егоровна, свой «левовольверт» можешь оставить дома. Пакуй баулы и спокойно садись в поезд, никто на твою девичью честь покушаться не станет.

– Все вы мужики без исключения охальники! – Егоровна,

наморщила крючковатый нос, показушно изобразила обиду на лице.

– Прости старого дурака, коль обидел, – тут же повинился отставной полковник, – мы военные – народ простой, бывало ляпнешь, что-нибудь эдакое, а тебе тут же перчатку в физию и орут «к барьеру, сударь!».

– Да ладно, – махнула сухенькой ладошкой пожилая дама, – и вовсе ты меня не обидел. – Пожалуй, мне пора, еще в два дома заглянуть по знахарской надобности, а дело к вечеру. Тебе, Владислав Терентьевич, не хворать. Выполняй всё, что я там тебе прописала на листочке. И спасибо, успокоил. Значица, знатные рода промеж собой воюют.

– Не сомневайся, Василиса Егоровна, простых людей, вроде нас, их дела не касаются даже в том случае, коль из пушек и ружей палить и огонь с моланьями метать друг в дружку станут. Перед началом баталии всех непричастных предупредят и выдворят за пределы зоны предстоящих боевых действий, а коль какой ущерб движимому или недвижимому имуществу мирных граждан случится, непременно возместят.

Глава 4

*Вдох глубокий, руки шире,
Не спешите, три-четыре!
Бодрость духа, грация и пластика.
Общеукрепляющая,
Утром отрезвляющая
(Если жив пока ещё) гимнастика!..
В.С. Высоцкий.*

Замах и вздетый над головой тяжеленный колун устремляется к стоящему на массивной колоде березовому кругляшу. Результат, к моему великому сожалению, получился не тот, какой бы я хотел. То ли глазомер подвел, то ли рука дрогнула, и тупое лезвие слегка поменяло угол во время соприкосновения с древесиной. Вопреки моему желанию, инструмент для колки дров вместо того, чтобы расколоть поленце, как-то неправильно ударил по плоскости среза. Как результат чертово топорщице вырвало из слабых детских ручонки. Колун полетел в одну сторону, полешко в другую, я, слава Богу, отправился в противоположном от этих двух предметов направлении. Если конкретно – поймел жесткую посадку на пятую точку. Сижу, смотрю то на полено, то на орудие нелегкого труда заготовителя дров и радуюсь, что не оттяпал себе что-нибудь нужное.

Преодолев волнение, нашел в себе силы перебраться с хо-

лодной земли на деревянную колоду. Продолжаю паяльаться на неподатливый колун. Если с лопатой во время снегоуборочных работ мне худо-бедно удаётся прийти к консенсусу, эта железяка с деревянной ручкой никак не желает поддаваться моему безграничному детскому обаянию. Из десятка попыток наколоть круглых березовых чурбачков на дрова, одна непременно заканчивается полным фиаско вроде только что произошедшего. Пожалуй, с колуном нужно быть поосторожнее, я все-таки не взрослый мужик, а малолетний пацан. К тому же, сознание сорокашестилетнего мужчины пока с великим трудом приживается в теле ребенка.

Я стараюсь. Расчищаю двор от снега по утрам (если такой выпадает за ночь), таскаю воду с недалекого родника, пока что с помощью коромысла и по половине ведер, занимаюсь пробежками (если легкую трусцу с моментальной одышкой можно назвать бегом), ну и тяжести всякие тягаю, точнее, пытаюсь поднимать. Даже торчащий горизонтально на приемлемой высоте сук одиноко стоящей березы приспособил под турник, вот только подтянуться на нем пока не получается. Повишу недолго на перекладине, как сопля на носу, подрыгаю всем своим хилым тельцем и обессиленный соскакиваю. Впрочем, у меня и достижения имеются: вон колун поднимаю, от земли отжимаюсь аж три раза. Кто-то ехидно ухмыльнется: «ха, три раза, нашел чем удивить!». А по мне, так самый настоящий прорыв – еще месяц назад, я едва мог сползти с кровати, чтобы самостоятельно посетить уборную,

тогда ни о каких отжиманиях речи не могло идти. А теперь, я хоть слаб и немощен, но уж не до такой степени. В сон постоянно не тянет, вместо упаднических настроений появилась вера в собственные силы, а вместе с ней и в светлое будущее для одного попаданца в альтернативную реальность моего прежнего мира.

Последнее, то есть вера в светлое будущее возникло после возвращения Василисы Егоровны из Боровеска пару недель назад. За долгим разговором она поведала, что я (точнее моя брeнная тушка) являюсь отпрыском двух славных боярских родов Иноземцевых и Шуйских. Вот бы оказаться Воронцовым. Но не всё коту масленица. Да и нет тут такого боярского рода.

Мой батя (опять же отец реципиента) Драгомир Германович Иноземцев и моя мать Наталья Прохоровна Шуйская венчаны пятнадцать лет назад в законном браке, вроде бы как, даже по любви. Плодами этого союза стали моя старшая сестра, ныне покойная, и я двенадцатилетний отрок – Андрей Драгомирович (блин, ну и отчеством Боженька наградил) Иноземцев-Шуйский. На двойной фамилии для сына настоял глава рода Шуйских, ибо я также являюсь одним из претендентов на богатое наследие этого древнего весьма влиятельного боярского рода.

Пять лет назад Драгомир Иноземцев, как старший сын почившего в Бозе главы рода Иноземцевых принял бразды правления родовым добром. Обширные земельные террито-

рии сельхоз назначения, десятки рудников и угольных шахт, многочисленные промышленные предприятия на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и некоторых странах Европы, даже в Америке, приличный торговый флот, железные дороги и много чего еще – клан Иноземцевых один из самых богатых в России. Однако полгода назад Драгомир Германович погиб при так и не выясненных до конца обстоятельствах. По закону наследником стал его сын, то есть я, точнее тот Андрей, что был в то время хозяином данной телесной оболочки, а бремя управляющего делами вплоть до достижения Андреем совершеннолетия ложилось на плечи младшего брата отца Ивана Германовича Иноземцева. Вот такая получается картина маслом.

В декабре прошлого года маман моего реципиента отчего-то стало нездоровиться, и она решила отправиться вместе с детьми в германский Баден, что в землях маркграфов Церингенских. Однако по известным причинам, семейству так и не удалось искупаться в знаменитых на всю Европу термах.

Клан Шуйских провел собственное расследование обстоятельств гибели Натальи Прохоровны и её детей. Оно хоть ничего и не выяснилось толком, но осадочек, как говорится, остался. Как результат, в последнее время наблюдается определенное похолодание в отношениях между двумя весьма влиятельными родами, грозящее в недалеком будущем перерасти в нечто весьма и весьма нехорошее, вплоть до вооруженного противостояния. Впрочем, это законное право

древних родов вести военные действия друг против друга, главное, чтобы не пострадали нонкомбатанты, а также движимая и недвижимая собственность, принадлежащая царской семье и другим родам.

Таким образом, в настоящее время я являюсь единственным законным наследником всех неисчислимых богатств рода Иноземцевых, а также, не самым крайним с конца длинного списка претендентов на имущество рода Шуйских. Вот только, всё это мне ну никак не светит, во всяком случае, в самом ближайшем будущем.

Эту будоражащую воображение информацию вывалила на мою бедную голову добрейшая Василиса Егоровна по возвращении две недели назад из славного уездного городка Боровеск. Неплохую агентурную работу провела старушка за, в общем-то, небольшой срок. Поначалу я несказанно обрадовался. Ну как же, стать владельцем заводов, газет, пароходов – это ли не мечта каждого разумного индивида? Однако многоопытная старушка тут же спустила меня с небес на брентную землю:

– Ты, Андрюша, не гоношись покамест. Наследство тебе не светит еще долго. Так или иначе, до твоего совершеннолетия им будет управлять твой родной дядька. Хотя какой он тебе родной?! Душегубец он, более никто. Значица, высываться тебе покамест рановато. Пойдешь к Шуйским правду искать, так и они не защитят, поскольку ты номинальный глава рода Иноземцевых и должен пребывать в официаль-

ном своем поместье. А там до тебя добраться наёмным душегубам, пара пустяков. Короче, сиди-тко, паря, в моем имении. Оно хоть имения того одна изба да пятьдесят десятин землицы, да лесу еще сотня, так с голодухи не помрем – это я тебе обещаю. Все-таки какая-никакая я, а дворянка, хоть и не столбовая – рылом не вышла.

– Неудобно как-то, – попытался возразить я, – сидеть на шее у кого-либо не по-нашему, не по-боярски.

– Кончай паясничать! – Егоровна стукнула по столу сухоньким кулачком, неожиданно сильно, аж стол затрясся. – Останешься здесь! – Затем продолжила уже в более спокойном тоне: – А мне не в тягость. Думаешь живу в глухомани, значица, нищая? А вот и не угадал, милоч! Денег у меня вполне хватит нам обоим на житьё-бытьё. Не знаю, почему, но прикипела к тебе душой на старости лет, будто внук ты мне от не рожденного сыночка мово. – При этих словах старушка и вовсе расстроилась, даже слезу пролила.

Попытался успокоить Егоровну, но лишь всё усугубил – женщина еще сильнее разрыдалась. По всей видимости, было у нее в жизни что-то эдакое, не очень приятное, о чем обычно стараются не вспоминать, а вспомнив, горячими слезами обливаются. Пришлось топать на улицу и хорошенько обдумывать предложение моей благодетельницы, даже спасительницы.

М-да! Боярских кровей мы Андрей свет Драгомирович, оказывается. Но что это мне дает на данный момент? А ни-

чего хорошего. Пойду к дядьке на поклон, так, пить дать, ухайдокают и слезинку не уронят – уж больно жирный кусок оставил своему сыночку в наследство батя настоящего Андрея Иноземцева... х-мм Шуйского. Обращаться к родне по материнской линии, тоже не факт, что не вернут в семью «доброго опекуна». Если даже не вернут, по словам Егоровны, вскоре грядет война родов с непонятными последствиями для Иноземцевых и Шуйских. Так что между молотом и наковальней оказаться не очень-то хочется. Не, лучше отсидеться до совершеннолетия в здешних лесах. Пускай промеж собой разбираются мои родственнички. А может, ну нафиг всю эту родовитость? Не жили боярами, так и привыкать не стоит. Своей головой буду жить. Знаний каких-никаких у меня еще с прошлой жизни имеется. Эвон недавно спел в присутствии доброй бабушки:

*По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла,
Ах, зачем я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила?..*

Так она, как услышала, так расчувствовалась, едва не разрыдалась. Слезу, все-таки, пустила, но так, чтобы я не углядел – всё хочет казаться железной леди. А я углядел, значит, кое-какие способности к песнопению у меня имеются. В прошлой жизни под напором любящей матушки мне пришлось закончить музыкальную школу по классу фортепьяно. Потом еще два года учился играть на гитаре, но это уже по соб-

ственному желанию. Нельзя сказать, что уж очень по жизни пригодились, но в студенческом ансамбле я считался разноплановым инструменталистом. Петь, перед публикой правда не давали по причине полного отсутствия голоса, но музицировал прилично. Да и позже на совместных посиделках на природе с друзьями было здорово растянуть баян по настроению, чтобы спеть хором нашу коллективную: «Настоящему индейцу надо только одного...», или под гитару: «Милая моя, солнышко лесное...».

Итак, музыка, буду её иметь ввиду, но это на самый крайняк. Что-то не лежит у меня душа выступать перед пьяной публикой в каком-нибудь кабаке, а других артистических площадок тут пока что не придумали. Да и с гонорарами для певунов и прочих лицедеёв здесь не такое раздолье как в той, другой реальности. А ещё, отношение к «актеришкам», по словам старушки, буквально скотское. Ну не носят их тут на руках бесчисленные толпы фанатов, хоть ты соловьем распойся. Благо гнилыми помидорами не закидали, да денег толику за представление отстегнули жадные антрепренёры.

А ещё, я вооружен передовыми для своего мира методиками втюхивания чего угодно самому привередливому покупателю. Так что запросто могу в купцы податься.

А ещё...

Так, стоп, Андрюха, – мысленно одернул сам себя, – ты ещё доживи до взрослых лет, а там война план покажет, не сомневайся.

Короче говоря, решил я не расстраивать добрую старушку и остаться под её крылом. Об этом тут же уведомил хозяйку, чем её несказанно обрадовал. И что, интересно, она во мне такого нашла?

С тех пор пытаюсь помогать ей по хозяйству. Впрочем, Василиса Егоровна и сама не промах кого-нибудь припахать. Частенько в качестве водоносов, дровосеков, подметальщиков и мойщиков полов используется дармовой труд мающихся недугами страдальцев. Оно ведь недуг недугу рознь. Добрая лекарка ни при каких обстоятельствах не пошлет мыть пол больную радикулитом, или беременную бабу. А вот со свищем на десне, фурункулом на теле или какой еще легкой болячкой непременно пошлет, при этом скажет, мол, тебе, девка, полезно метлой и тряпкой поработать, когда шевелишься, скорее гной вытекает. Ну или что-нибудь в этом духе. Практичная у меня покровительница.

На мои потуги заниматься хозяйством смотрит скептически, дескать не барское это дело, но не препятствует. Вот и сейчас подала голос с крылечка. Блин, я и не заметил, как она вышла из дома и наблюдает за процессом колки дров.

– Это ты неправильно, Андрюша, колуном робишь. Он ведь сам по себе тяжеленный, его не надо опускать с силой. Тут точность требуется. Поднял над головой, направил, куда следует и не дергайся. Пущай себе летит к полешку. Железяка тяжелая, сама справится, ты ей токо замах дай.

– Спасибо, Егоровна, за науку! – поблагодарил наставни-

цу и побрел к дому. Пожалуй, на сегодня достаточно. Физические нагрузки – штука полезная, но в моем состоянии за- просто можно с них слечь и очень надолго. Поэтому приходится контролировать занятия спортом, как бы мне ни хотелось одномоментно стать сильным и здоровым.

– Вот и правильно, внучок, счас поснедаем, потом по- спишь часок, силушка потихоньку и возвратнется в жилушки.

Поснедали, чем Бог послал. А послал он, прям по Ильфу и Петрову:

«В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки, домашние грибки, форшмак из селедки, украинский борщ с мясом первого сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок».

Да, да, практически всё это было плюс икорка черная зернистая со сливочным маслом да на белый хлебушек или блинчик – у-у-м, уважаю. Правда вместо зубровки была бу- тылка кислых щей. Не тех щей, которые готовятся из капу- сты и прочих ингредиентов и подаются на стол виде горя- чей похлебки, а напиток на основе меда и солода, наподо- бие сильногазированного кваса, который разливают в бутыл- ки из-под шампанского, надежно закупоривают и хранят на холоде. Вкуснятина, скажу вам, значительно лучше привыч- ной по прежней жизни колы или фанты. Да, компота из сухо- фруктов тоже не было, но свежие фрукты имели место быть на столе: яблоки, груши, а еще дыня – все-таки умели наши предки хранить плоды земли до следующего урожая. Коро-

че, налопался, что называется, от пуза.

После обеда, по заведенной традиции, прилег отдохнуть. Не заметил, как, веки смежились, и я заснул. Сон, на удивление, был приятный. Будто мчусь на своем автомобиле по пустому шоссе. Вокруг зеленеющие поля, вдалеке темнеет лес, над головой синь небесная и солнце едва не в зените. В какой-то момент колеса моей «шестерки» оторвались от асфальта и автомобиль взмыл над лесами и полями. Не заметил, как машина куда-то пропала, будто в воздухе растворилась, и я остался висеть в небесах в виде духа бестелесного. Лечу аки вольный птах, смотрю с небес на бrenную землю. Внизу проплывают леса, поля, реки, озера и прочие дикие ландшафты, вот только поселений людей не видно и вообще следов человеческой деятельности не наблюдается, даже асфальтовое шоссе, по которому ехал, куда-то запропастилось. Тут в небе сформировалось облачко в форме бородатой головы с ручками, но без тела, ну типа смайлика, вот только выражение морды лица бородатого дядьки мне не очень понравилось – уж очень оно было сердитое. Облачный дед погрозил мне пальчиком, затем по мне саданула мощная ветвистая молния. Боли не почувствовал, но мой дух резко устремился к земле. Напоследок в ушах раздался оглушительный голос:

– Думаешь, обманул, избежал неминуемого?!... – и тут я проснулся.

Лихорадочно ощупал свою тушку. Вроде бы все на месте.

Вот только весь в поту. Неужто сам боженька ко мне во сне явился? Не, я человек не религиозный во все эти поповские бредни не верю. К тому же сам побывал на Том Свете и знаю, что Рая и Ада там нет, а есть огромное Чистилище. Так откуда бы в моем сне взяться бородатому мужику? Ну точно, мыслительные продукты недостаточно окрепшего ума выливаются во всякие бредовые видения. Это как покушал, потом туалет посетил для облегчения, так и мозг переварил поступившую информацию, а сновидение что-то типа какашек, только не материальных, а духовных.

«Ха! Ну и выдал, философ доморощенный. Это надо выдумать эдакое: «сон, как духовное дерьмецо». Интересно, на удобрение какой такой «эфирной растительности его можно применить?»».

Ну всё, хватит заниматься откровенным стёбом, пора и честь знать! После послеобеденного сна, мне предстоит учить молитвы из Часослова хозяйки. Без этого ну никак, поскольку с десятков основных должен знать любой крестьянин. Нам же, просвещенным боярам, кроме молитв полагается выучить на зубок содержание «Святого Писания», «Жития Святых» и прочие «Четы с Минеями».

Не знаешь, тебя тут же на костер, или в речку с камнем на шею определяют. Всплыл, значит, диавол помогает. Шучу, конечно. Религиозным преследованиям тут уже давно никого не подвергают, а «ведьм» и «колдунов», в отличие от просвещенной Европы, на Святой Руси никогда не преследовали.

Стоит отметить, что местная кириллица довольно существенно отличается от той, к которой я привык в прошлой жизни. Примерно в половине букв отмечается несоответствие. Однако под чутким руководством доброй бабушки, я за пару дней вполне освоился и теперь читаю на местном русском достаточно бегло. Еще бы шрифт вычурный со всякими загогулинами в этом Часослове подкорректировать, было бы и вовсе здорово.

Есть в библиотеке Василисы Егоровны и другие книги. Однако в результате тестирования на знание молитв пока что я допущен только к Часослову, дескать, неокрепший ум не стоит утруждать «всякими разными премудростями». Вот когда выучу хотя бы половину крайне занудной писанины, вот тогда предо мной откроется вся мудрость жизни, хранящаяся в этом доме.

Могу не без хвастовства заявить, что определенные успехи и подвижки в освоении Слова Божия у меня имеются. «Отче наш» и еще пяток молитв выучил, разбуди ночью, процитирую без ошибок. Однако работа предстоит серьезная, поскольку стоит мне только начать читать «Малое повечеря», «Междочасия» или тропари с кондаками, глазки вольно или невольно начинают смыкаться, а разум так и норовит свалиться в спасительный сон, даже в том случае, если перед этим хорошенько выспался. Ладно, как говаривал мой дед, переиначивая знаменитое выражение товарища Сталина: «Нет такого добра, которое не смогут прикарманить ком-

муняки».

Едва сел за стол и открыл книгу, тут как тут Егоровна с кринкой топленого молока и тарелкой пышек с пылу с жару.

– Вот милок, подкрепись-ка. Голодное брюхо к ученью глухо. – Мне всегда казалось, что насчет брюха всё наоборот, но в данном случае я вполне солидарен с бабусей, к тому же, не отказывать же доброй женщине в её стремлении сделать мир светлее и добрее, хотя бы по отношению к одному нелепому попаданцу.

Мое брюхо так и осталось глухо к учению даже в наполненном состоянии. Это я понял, прочитав первые строчки:

«Коль возлюбленна селѣния Твоя, Гѣсподи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни, сердце мое и плоть моя возрадовастся о Бѣзе живе...».

М-да! Сизифов труд осилить подобную премудрость, но я непременно возьму и эту вершину. В помощь мне отличная память, доставшаяся от реципиента и верткий ум от жителя двадцать первого века.

На этот раз, несмотря на сонные позывы, восемьдесят третий псалом дался мне довольно легко. Более того, обнаружил у себя прекрасную зрительную память. Не фотографическую, к сожалению. Однако достаточно было пару-тройку раз пройти глазами по тексту, как написанное на бумаге вполне крепко впечатывалось в мозговую подкорку. Славно, имею серьезное подспорье для человека, которому все эти заумные изречения на мало понятном сленговом диалекте

абсолютно по барабану (да простят меня искренне верующие братья и сестры во Христе).

После пары часов сидения за столом направился во двор. Весна неотвратимо приближается. Световой день удлиняется на глазах, посему смеркается не так уж и рано. А, значит, есть время подтянуть физуху.

Два круга по собственноручно очищенной от снега тропе вокруг дома, три отжимания, минутное трепыхание на «перекладине турника», наклоны с доставанием кончиками пальцев носков валенок, защищенных от весенней влаги резиновыми калошами.

Заметил осуждающе зырящего в мою сторону кота Сидора. Дружьями не разлей вода с ним мы пока не стали. Однако лед в наших отношениях тронулся. Во время двухдневного отсутствия Василисы Егоровны, я не пожалел для этого мяса и сметаны. А еще кот оказался весьма охоч до свежей выпечки, прям дурел и терся о ноги хозяйки, когда в доме пахло пирогами, блинами и прочими вкусностями. Подозреваю, что до моего появления подобная благодать случалась не часто – уж больно аскетична старушка в своем питании. Умственных способностей Сидора вполне хватило, чтобы сделать определенные выводы, поэтому он на меня уже не крысится, как в первые дни нашего знакомства, даже позволяет иногда себя погладить.

Помахал по-дружески рукой коту и продолжил занятия самоистязаниями на свежем воздухе. На что Сидор лишь за-

бавно фыркнул и направился куда-то по своим кошачьим делам.

Глава 5

*Журчат ручьи,
Спят лучи,
И тает лед и сердце тает,
И даже пень
В апрельский день
Березкой снова стать мечтает.
Веселый шмель гудит весеннюю тревогу,
Кричат задорные веселые скворцы,
Кричат скворцы во все концы:
«Весна идет! Весне дорогу!»...
М. Д. Вольпин.*

Здоровенный кот Сидор свернулся калачиком на овчине, расстеленной на лежанке теплой печи. Часть его звериного сознания пребывала в приятном сне, где он охотился на белку и так же как лохматый рыжий зверек с легкостью скользил по стволам деревьев, веткам и грациозно прыгал с одного дерева на другое. Вот только ловкий грызун никак не желал попадать на острый зуб охотника или его коготь.

Вторая половина сознания кота четко контролировала все, что происходит в реальной жизни. Вот мышка под полом зашуршала. Хитрая бестия и ловкая, Сидор никак не может её изловить. Ладно, дело времени, в конечном итоге грызун допустит оплошность, которая будет стоить ему жизни. Между печкой и стеной тихонько цвиркает сверчок, с

ним у кота давние счеты – неуловимый бестия. За стенкой тяжело похрапывает во сне старшая кошка, которой следует подчиняться беспрекословно. У стенки напротив кухонной печи спит беспокойным сном младший безволосый котенок. К нему у Сидора двойственное отношение. С одной стороны, он не жадный и едой делится, даже вкусной выпечкой. С другой, есть в этом котенке что-то такое, непонятное. А все непонятное звериный инстинкт хоть и домашнего, но животного требует расценивать как угрозу, хоть и неявную. А это означает, что с двуногим следует держаться настороже.

Помимо названных звуков маленький, но весьма эффективный мозг домашнего хищника фиксирует и анализирует еще множество самых разных шумов: свист ветра за бревенчатыми стенами, скрип раскачиваемых деревьев, веселую капель тающих сосулек и еще многое-многое другое. Впрочем, это вполне привычные звуки опасности не представляют, значит их можно проигнорировать и продолжать охотиться за неуловимой белкой.

Неожиданно громкий протяжный звук, будто выстрел орудия или грохот грозового разряда заставил первую половину сознания кота вернуться в реальность. Сидор резко вскочил на лапы и, задрав хвост трубой, принялся водить озадаченной мордочкой в разные стороны. Грохот повторился с еще большей мощностью, однако наш мохнатый страж вместо того, чтобы еще больше испугаться, заметно расслабился и вновь прилег лохматым пузом на мягкую овчину.

Ничего экстраординарного в природе не случилось, всего лишь наступившее весеннее тепло совместно с текущей водой оказали определенное воздействие на толстый слой льда, образовавшегося на реке за холодную зиму. Талые воды устремились в русло Протвы и накрыли метровым слоем речной лёд. Далее в силу вступил закон, сформулированный древним греком Архимедом. Имеющий положительную плавучесть лед начал всплывать, как результат стал ломаться. Отсюда грохот, подобный звуку грозового разряда.

Разумеется, подобных мыслей в голове нашего кота не было – не кошачье это дело рассуждать о древних греках и мудреных законах физики. Сидор на протяжении восьми лет своей жизни всякий раз в одно и то же время становился свидетелем этого природного феномена, и долгосрочная память ему тут же об этом напомнила.

Ученые Земли ошибочно считают, что у кошачьих наличествует только оперативная память. Однако они глубоко заблуждаются, кошки отлично помнят многое, особенно добро, а еще крепче причиненное им зло. Вот только демонстрировать свои таланты людям они не спешат, поскольку считают себя, в некотором роде, богами, коим должны поклоняться бесшерстные двуногие коты. Ведь боги никогда не станут объяснять низшим существам прописные истины – оно и так всем очевидно.

Канонада на реке продолжалась до самого утра. Двуногие обитатели жилища, принадлежащего Сидору, также просну-

лись, какое-то время бестолково бегали по дому, затем, натянули шкуры на голые тела и вышли на улицу, напустив при этом холоду в помещение. Сидор еще плотнее свернулся на теплой печи и провалился половиной своего сознания в нескончаемую охоту на неуловимых белок.

Вторая половина по-прежнему продолжала контролировать окружающую обстановку, а также анализировать сложившуюся ситуацию. Скоро придет настоящее тепло, а вместе с ним необходимость продления кошачьего рода. Вновь предстоит когтями и зубами доказывать подросшим нахалам, кто в окрестных селениях истинный мачо, достойный оприходовать самых красивых и здоровых кошек. Благодаря заботам Василисы Егоровны, Сидор был котом справным, почти пуд живого веса. И это вовсе не бесполезный жир, а сильные мышцы, крепкие сухожилия, острые когти и зубы. В не единожды протравленном снадобьями сердобольной хозяйки организме ни намек на гельминтов или еще каких вредных паразитов. Потому вот уже как года четыре все местные коты с визгом убегают при появлении нашего лохматого героя на околице соседнего села или деревни.

«Жизнь все-таки прекрасна», – подумал кот Сидор и еще сильнее сосредоточился на охоте за скачущими по деревьям виртуальными грызунами.

В то же самое время в пяти верстах от жилища Третьяковой посреди мрачного леса, в глубокой берлоге, оборудован-

ной под корнями вывороченной ветрами громадной ели очнулся от зимней дремы обеспокоенный шумом здоровенный бурый медведь. Полежал, послушал потревожившую его канонаду. На всякий случай просунул нос-пуговку между переплетений наваленных сверху ветвей и листьев. Вдохнул всё еще прохладный ночной воздух. И решил для себя, что просыпаться пока рано. Вот через недельку-две будет в самый раз. А пока следует досмотреть очень хороший сон, где малина размером с доброе яблоко, а рядом восхитительно пахнущая самка, и они вместе уплетают вкуснятину, чтобы потом заняться приятными совместными шалостями. Там никто не норовит засадить по тебе из палки, мечущей твердые мелкие шарики, вызывающие неприятный подкожный зуд и нарывы. Горластые человечьи самки не шляются по лесу и не пугают лесных обитателей своими пронзительными звонкими голосами.

Зверь повернулся на другой бок и мерно засопел в обе свои носопырки, не обращая внимания на творящееся на реке шумное безобразие. Но тут ветер поменял направление и чуткий нюх животного уловил умопомрачительный запах подгнившего мяса. Человеку и даже многим лесным хищникам оно могло бы показаться тошнотворным, однако медвежье восприятие кардинально отличается от восприятия homo sapiens.

Вольно или невольно резкий запах тухлятины поманил гигантского зверя. Медведь выбрался из-под выворотня и,

похрустывая подтаявшим снегом, осторожно направился в сторону предполагаемой пищи. Метрах в тридцати от своей зимней лежки он обнаружил сугроб, откуда торчали ноги здорового лося и часть его крупа. Погибший зверь лежал тут довольно давно и теперь было сложно установить по какой причине он оказался в этом месте. Впрочем, наш мишка не был особенно любознательным и заниматься всякой ерундой, именуемой у людей судебной криминалистикой, он не стал. Для него было жизненно важным так удачно обнаружить качественную еду. Тот факт, что мясо с душком вовсе не шокировал, наоборот, данное обстоятельство существенно облегчало ему жизнь, поскольку окаменевшие за время зимней спячки в кишечнике фекальные массы серьезно портили ему жизнь. Чтобы избавиться от пробки и заставить кишечник нормально функционировать в обычных условиях приходится жрать что ни попадя: свежую траву, молодые побеги, кору деревьев и прочую невкусную гадость. А тут подфартило так подфартило – целая нетронутая туша.

Перед тем, как приступить к трапезе, медведь поднялся на задние лапы, поводит мощной головой, прислушиваясь к окружающим звукам и принюхиваясь к запахам. Вроде бы все спокойно, со стороны реки слышен привычный весенний грохот разрушаемого льда и бурлящей воды. Через какое-то время вода с поймы уйдет, и в оставшихся бочагах можно будет заняться рыбной ловлей. А там и травка зазеленеет, вкусные муравьи очнутся от зимней спячки, личинки хру-

щей под навозными кучами, мед, ягоды, орехи и прочие радости жизни. А пока в его распоряжении огромная мертвая туша – источник благодати на первое время.

Первым делом медведь ухватился лапами за круп и вытащил всю тушу из сугроба. Легким движением когтистой лапы он вскрыл живот мертвого зверя и с довольным урчанием принялся уплетать его содержимое: кишки, печень легкие, сердце и прочий ливер очень быстро исчезли в его прожорливой пасти. Постепенно первый самый страшный голод был приглушен. Глазами зверь съел бы и всю тушу за один раз, но объем желудка уже не позволял добавить туда хотя бы маленький кусочек.

Отойдя в сторонку, но не выпуская пищу из виду, могучий лесной хищник принялся кататься и извиваться на искрящемся в свете полной Луны снегу. В какой-то момент лес огласил характерный звук исходящих из кишечника газов, затем мишке все-таки удалось с шумом и треском выдавить из себя мешавшую ему жить фекальную пробку. Как только это случилось, окрестности огласил яростный рев. Тем самым медведь давал понять обитателям леса, что Хозяин проснулся, так что будьте начеку.

Освободившись от гнета переработанной прошлогодней пищи, медведь вернулся к мертвому лосю. Усевшись рядышком он с видом гурмана принялся когтями снимать полоски волокнистого мяса с ноги животного и запихивать в свою огромную пасть. При этом могучий хищник довольно ур-

чал и пофыркивал. Вполне возможно, этим самым он выражал свою благодарность какому-нибудь медвежьему богу. Так или иначе настроение медведя с каждым съеденным куском дохлой лосятины становилось все благодущнее и благодущнее.

Набив до упора живот, зверь прилег у наполовину обглоданной туши. Пока есть еда покидать это место он не собирался. Вдыхая аромат подгнившего мяса, мишка блаженствовал. Неожиданно в его мохнатой голове сформировался милый образ бревенчатой избушки, а вместе с ней фигура двуногой самки людей, которая в отличие от прочих её соплеменников, никогда не возьмет в руки железную палку, больно плюющуюся твердым горохом, а еще одного мохнатого своенравного зверя, с которым когда-то успел подружиться.

Инстинкт подсказал, что изба никуда не могла подеваться со своего места, и было бы неплохо нанести друзьям визит вежливости. Но медведя смущала мысль, что во время его отсутствия оставшееся мясо кто-нибудь сожрет. После недолгих размышлений выход был найден. Остатки лося доставлены в покинутую берлогу, а вход завален толстенным буреломом, коего вокруг было видимо-невидимо. Теперь даже куница или хорек не смогут подобраться к его еде. Впрочем, если даже и смогут, много не сожрут. Тут главное от прожорливых волков и лисиц оборониться.

Завалив толстыми стволами вход в берлогу, медведь оки-

нул подслеповатым взглядом дело лап своих. Удовлетворенно рыкнув, медленно, без спешки потрусил прочь. В его косматой башке место положения ухоронки отпечаталось надежнее, чем клинопись на глиняных табличках у древних шумеров или загадочные иероглифы египтян на стенках каменных саркофагов. По мере надобности инстинкт безошибочно приведет его сюда для продолжения банкета.

Грохот начавшегося ледохода вывел меня посреди ночи из состояния сонного забытья. Вообще-то, мне и раньше доводилось быть свидетелем начала таяния льда на реке. Неподалеку от домика моих бабушки и деда протекала речка, вроде этой Протвы. Так вот, ледоход иногда начинался в конце марта, когда я приезжал к ним на короткие весенние каникулы. Всякий раз мальчишкой я с восторгом наблюдал за разгулом стихии.

Так же и сегодня, будто в далекое детство вернулся. Хотя какое будто? Я реально вернулся в детство, поскольку нахожусь в теле ребенка. При этом малолеткой вовсе себя не чувствую. Согласитесь, невозможно взрослому человеку стать по-настоящему полноценным дитем, будь ты хотя бы самым выдающимся лицедеем. А поскольку артист из меня, как из обитателя далекого таджикского аула, впервые оказавшегося в Москве, учитель русского языка, взрослость временами так и прет из тщедушного детского тельца.

Бабушка, конечно, что-то чувствует – не дура, и облада-

ет определенными экстрасенсорными способностями, однако не особо парится на сей счет, ибо «неисповедимы пути Господни». Вот в этом мне крупно подфартило. Век девятнадцатый, народ свято верит в существование Высших Сил, без воли которых на Земле ничего не происходит. Впрочем, считается, что существует антипод Всевышнего, именуемый Дьявол (Диавол). Слава Богу, к его приспешникам меня ну никак не причислить, поскольку в первые минуты после попадания в дом Третьяковой был многократно осенен крестным знамением и окроплен святой водой. Тест прошел успешно. От святого креста и освященной в церкви водицы не окочурился, даже наоборот, по словам доброй старушки, «ликом просветлел».

Очередной мощный залп «речной артиллерии» заставил меня вскочить с постели и начать одеваться. В комнате было довольно светло из-за льющегося в незанавешенное окно лунного света, да еще масляная лампадка у образов служила своего рода ночником, так что бежать к столу и зажигать керосиновую лампу не пришлось.

Глядь, Егоровна также проснулась. Едва успел надеть штаны и рубаху, старушка тут как тут с керосиновой лампой в руке. Моя покровительница и благодетельница не может спать без света, поэтому по ночам в её спальне всегда горит ночничок.

- Андрюша, проснулся, мальчик! А чего поднялся?
- Хочу посмотреть, что там на реке происходит.

– Дык, лед пошел. Значица, весна пришла.

Накинув полушубки, мы вышли на крыльцо. Благодаря полной луне, окрест было все отлично видно. Дом Егоровны находился на левом берегу Протвы, немногим выше по течению деревеньки Добролюбово, также расположенной на довольно крутом взгорье, только на противоположном правом берегу. Ниже по течению вдоль нашего берега аж до самого Боровеска широко раскинулись заливные пойменные луга.

В данный момент я имел удовольствие наблюдать, как поднявшиеся на попа льдины сгрудились в трехстах метрах вниз по течению в районе брода и образовали своего рода плотину. Подпертая речная вода какое-то время скапливалась, норовя прорвать возникшую преграду, но подошедшие льдины лишь еще больше укрепили запруду. В какой-то момент река вышла из берегов и бурлящий поток устремился на заснеженную равнину. В течение часа протяженный участок поймы был затоплен полностью. А вода в реке тем временем все продолжала и продолжала пребывать. И не мудрено, теплый воздух, поступающий в последние дни из южных широт планеты, заставляет снег в лесах таять значительно активнее. Отсюда резкое поступление воды в речное русло.

В какой-то момент выше по течению река буквально вспучилась. Похоже, где-то в верховьях напору воды все-таки удалось прорвать точно такую же ледяную дамбу, возможно не одну, и накопившийся избыток воды вместе с массивом льда помчался вниз по течению, сметая все на своем пу-

ти. Неподалеку от нас на самой стремнине был небольшой островок, заросший невысокими деревцами и кустарником. Водно-ледяной вал, пройдясь по нему, в мгновение ока повыдирал всю растительность вместе с корнями и потащил куда-то вниз по течению. Наконец он достиг плотины на переправе. Удар влекомых бурным водным потоком льдин по запруде был страшен, будто где-то рядом шарахнул мощный разряд небесного электричества с соответствующим громовым аккомпанементом. Я едва не присел от неожиданности, а Егоровна принялась усердно креститься и причитать:

– Свят, свят, свят! Спаси и сохрани, Боже Праведный!

Я же не мог отвести взгляда от творящегося на моих глазах разгула стихий. Плотины в мгновение ока разлетелась на множество ледяных обломков и вниз по течению Протвы помчался очередной вал воды вперемешку со льдом и всяким растительным мусором. Отдельные льдины буквально выбрасывало на открытые пойменные пространства.

Вдоволь налюбовавшись ледоходом, мы с хозяйкой вернулись в дом. Егоровна поставила самовар. Попили чайку с моим любимым абрикосовым вареньем и домашними пышками. Между тем Василиса Егоровна развлекала меня познавательными рассказами из местной жизни.

– Ну вот, внучок, таперича ажно две недели как на острове жить будем в отрыве от людей. Высокая вода стоять будет пока основной снег из леса не сгонит. А лёд еще пару дней и весь протащит. Опосля токо отдельные льдины поплывут.

Лет пять тому как мимо моей избы будто корабль проплыл, а на ём зайцев десятка два, может больше. Верещат, плачут будто детки малые. Благо добролюбовские мужики с лодкой успели. Оттолкнули льдину на наш берег, косые как горох посыпали на землю и тут же в лес рванули аки угорелые. Смеялась тогда ажно до слез. А еще...

Я слушал добрую старушку, доносившийся со стороны реки грохот ломающегося льда и так мне хорошо стало и легко на душе, будто снова в гостях у родителей отца. В одно мгновение все предыдущие тревожнения по поводу моего неопределенного будущего, а также грядущего конфликта двух уважаемых боярских родов, неизвестно каким боком способного затронуть меня, как-то сами собой развеялись. Неожиданно для себя самого я вдруг решил – плевать мне на Иноземцевых и Шуйских. Не хочу ввязываться в их смертельную свару и вообще, хочу держаться от всей этой грязи как можно дальше.

– Егоровна, – я прервал затейливые словоизлияния пожилой женщины, – а нельзя ли как-нибудь оформить меня под какой самой простой фамилией? Придем с тобой туда, где тут у вас паспорта выдают. Покажешь меня главному начальнику, скажешь, приبلудный, да еще на всю голову отбитый о себе ничего не помнит. Хочу мол взять над ним опекунство. А запишут, к примеру, под фамилией Иванов, ну или Петров, да хоть Баширов.

Бабуля моего сокрытого от местных реалий юмора не по-

няля, тут же нервноотреагировала на последний вариант:

– Не, внучок, татаров нам не нать, своих фамилиев хватает. Ладно, как вода вернется в обычное русло, для начала поедем в Боровеский монастырь к старцу тамошнему Кириллу. Пусть он на тебя посмотрит, исповедует, может что присоветует.

– Так исповедовать станет, а мне что, врать что ли?

– Хе, милоч, святому человеку захочешь не совершешь, он всякого смертного наскрозь видит.

Ага очередной человек-рентген. Слышал я про одного такого, всех бояр насквозь видел, Иоанном IV Васильевичем прозывался, а еще Грозным царем Всея Руси. Вот только жил тот уникум в иной реальности, а в этой, скорее всего, такого государя не существовало. Жаль до исторических знаний и прочих наук я пока не допущен. Грызу гранит Священного Писания. Попытался как-то, воспользовавшись отсутствием хозяйки, проникнуть в её апартаменты с целью присвоения хоть какой-нибудь завалящей книжонки, даже на классический женский детектив по типу произведений Донцовой или Марининой согласен лишь бы на внятном русском написано. Но не судьба. Вся библиотека находилась в огромном сундуке под едва ли не пудовым навесным замком. Я ни разу не слесарь, поэтому даже пытаться не стал открыть без ключа этого механического монстра.

– В таком случае, как же мне быть, бабушка? Может, не стоит обращаться к твоему кудеснику?

– Не, Кирилл от мирских властей далеко, то есть вообще никак с ними не связан. Сказывают, приезжали к нему как-то из губернского жандармского управления, просили указать, где скрывается один душегубец. Он им, конечно, от ворот поворот, мол, не его это дело помогать власть имущим разбойников задерживать, а его крест ловить и излечивать от пороков души человеков. И что ты думаешь? Где-то через месяц тот душегуб сам предстал пред монастырскими вратами и сказал, что снизошло на него откровение, дескать, должен явиться пред очи святого старца Кирилла. С тех пор в монастыре появился послушник Елпидифор, что по-гречески означает «приносящий надежду» и нет там более богобоязненного и тихого инока, нежели бывший супостат. Вот такие чудеса, Андрюша. Так что не бойся святого человека, расскажешь ему всё, что ведаешь сам, испросишь совета и благословения. Отец Кирилл плохого не порекомендует и от дурных поступков предостережет.

Засим и разошлись по постелям досматривать сновидения. Вообще-то я проспал остаток ночи безо всяких снов, а если таковые и были, я их не запомнил. Просто закрыл глаза и проснулся от запаха свежееиспеченного хлеба. Поприветствовал хлопчущую у печи старушку и помчался во двор по обычным утренним делам.

А на улице, теплым-тепло, солнце светит, ни единого облачка на небе. По реке шурует лед шумно, но уже без ночных катаклизмов. Глянул вниз по течению, напротив Добро-

любова все льдины усеяны темными точками. Пригляделся, ну точно, тамошня я ребята молодёцкую удаль друг перед дружкой показывает. Прыгают как бараны с льдины на льдину. А ведь на самом деле бараны, сорвется в воду малец, тут-то его и видели. Куда только взрослые смотрят?

Перед завтраком немного побегал вокруг дома по окончательно освободившейся от снега дорожке. Отжался от земли аж целых десять раз, два раза подтянулся на своем импровизированном турнике. Отметил для себя новые достижения – мужаю, мать её... Немошь постепенно покидает организм. Однако похвастаться особо еще нечем.

В годы своего далекого детства сделать «солнышко» на турнике для меня не представляло ни малейшего труда, хотя на этой ненадежной перекладине ни при каких обстоятельствах не стану этим заниматься. И хват неудобный, да и сама ветка вызывает серьезные опасения по прочности. Мне бы ломик нетолстый ухватистый, уж сам как-нибудь вкопал бы пару подходящих бревен в землю, забутив камнями для устойчивости, да смастрячил более или менее безопасный турник. Будем в городе, попробую уговорить старушку посетить какую скобяную лавку, или где тут у них ломами да гвоздями с проволокой торгуют. Надеюсь не так уж и дорого покупка обойдется. А бревнышки сам напилю в лесу.

Используя крыльцо в качестве опоры, приступил к растяжке сухожилий и мышц. До продольного или поперечного шпагата мне еще как до Пекина раком, но детский организм

по своей сути структура пластичная и при соответствующих потугах из него можно слепить все, что угодно. Как лепить, я знал, по опыту своей прошлой жизни.

До тридцати пяти я вел довольно активный образ жизни. Тщательно следил за своей физической формой. Был постоянным участником разного рода спортивных соревнований по триатлону. Став финансово обеспеченным человеком, начал регулярно посещать тренажерные залы. С возрастом обленился забил на изнуряющие тренировки, обзавелся солидным пивным брюшком, избавился от ненужной, по моему мнению, суетливости. Единственным видом активного времяпрепровождения для меня стали нерегулярные выезды с толпой мужиков на рыбалку, где сам процесс лова рыбы хоть имел место, но был не самым главным. Ах, да, еще я безумно люблю ходить за грибами, но времени для этого как-то не хватало. То работа, то рыбалка, то «день варенья» у кого-то из друзей. Жизнь, как в рекламном слогане одного медицинского препарата, текла, а не капала, а я плыл по её течению, чтобы не отстать, а по возможности обогнать всех своих конкурентов.

После обеда, по заведенной традиции, покемарил часа полтора, затем, преодолевая сонливость, заучивал наизусть содержание Часослова. Егоровна в это время возилась в своей горенке, что-то шила, штопала, а может быть вязала. Удивляюсь энергии пожилой женщины, без дела ей не сидится. Кот Сидор лежал на соседней лавке и не сводил с ме-

ня прищуренных глаз. Вроде, как бы спал, но в то же самое время бдительно поглядывал в мою сторону.

В какой-то момент, кот вскочил на лапы и как-то весь напрягся. Затем шустро сиганул к входной двери и, встав на задние лапы, передними принялся драть доски. При этом мохнатое чудовище издавало такие громкие пронзительные звуки, аж в ушах начинало свербеть.

Пришлось выпускать его на волю, а самому обувать валенки и выходить на крыльцо, чтобы разобраться в причинах кошачьего беспокойства.

После того, как оказался на крыльце, моему взгляду предстала довольно забавная картина. Сидор сидел на бревне изгородки, к которому была подвешена калитка и заунывно подвывал по-кошачьи, временами мерный вой переходил в душераздирающие крики, потом уровень громкости снова опускался до приемлемого. На улице напротив калитки восседал здоровенный матерый медведь и, глядя влюбленными глазами на котяру, миролюбиво урчал. Попыток проникнуть на территорию, огороженную довольно хилым забором, дикий зверь не предпринимал. Просто сидел как человек пятой точкой на земле и будто о чем-то общался с котофеем.

Хотел крикнуть коту, чтобы мчался со всех ног от опасного зверюги, но не успел. На крыльцо выбежала Егоровна и, всплеснув руками, радостным голосом заблажила:

– Господи Боже мой, никак наш Мишаня в гости пожаловал! Проснулся, значица! – В следующий момент случилось

то, чего я ну никак не ожидал. Старушка, восторженно охая и ахая, помчалась к калитке, будто не солидная пожилая дама, а самая, что ни на есть маленькая задорная девчушка. Распахнула калитку и к моему несказанному ужасу кинулась обнимать неожиданного гостя. При этом причитала: – Поди голодный? Счас я тебе отрубей запарю, да с мясцом, да с куриными яйцами – все, как ты любишь, голубь ты наш ненаглядный! – «Голубок» тем временем смачно лизнул слюнявым языком бабушку в лицо, на что та отпрянула от ласкового мишки и с укоризной, но не зло отчитала: – Ну и вонишша у тебя из пасти, Мишутка, кажется какой-то дрянью успел поживиться.

На что медведь смущенно потупился и, поднявшись на задние лапы во весь свой могучий рост, изобразил некое подобие танца под аккомпанемент собственного рева.

Я наблюдал за происходящим и натурально офигевал. Медведь, самый опасный зверь наших лесов, вот так запросто притопывает перед беззащитной пожилой женщиной, забавно трясет вислым задом и корчит уморительные рожицы и это, как утверждают ученые, при полном отсутствии мимических мышц.

Наконец лесному гостю надоело изображать плясовую. Он встал на четыре лапы и внимательно посмотрел на Егоровну, не делая попыток к ней приблизиться.

– Ну что замер, как неродной? – старушка похлопала рукой по мохнатому носу. – Проходи уж во двор. А этот маль-

чик, — хозяйка указала на меня, — таперича с нами живет. Ты Михаил его не обижай.

В этот момент Сидор прекратил свой навязчивый ор. Он ловко запрыгнул на широченную спину медведя, направившегося в мою сторону, и с видом лихого наездника вцепился коготками в бурую шерсть лесного обитателя. Егоровна, пропустив гостя с котом на спине внутрь ограды, прикрыла калитку и направилась следом.

— Егоровна, а мне что делать? — нервно сглотнув слюну спросил негромким голосом я.

— Не бойсь, Андрюша, и не суетись счас Мишаня тебя обнюхает и примет за свово. Шесть годков назад подобрала его в лесу вот такусеньким, — женщина продемонстрировала едва ли не сдвинутые между собой ладошки, — комочком, слабым и голодным. То ли отбился от мамки, то ли её охотники подстрелили или звери сожрали, а может от болезни какой помёрла. Пищал, урчал в поисках титьки. Выходили его с Сидором, коровьим молоком отпоили-откормили, а затем и мясом с зерном пропаренным. Прожил с нами до следующей весны, а потом в лес подался — зверь, таки, скоко не корми — все в лес норовит удрать. Хотя добро помнит и навещает нас с Сидоркой время от времени.

Все произошло так, как сказала Василиса Егоровна. Могучий зверь не проявил ко мне ни малейшей агрессии, подойдя вплотную к крыльцу, обнюхал с ног до головы. Затем утробно рыкнул и лизнул липким языком прямо в лицо, об-

дав при этом невыносимой вонью из пасти. Затем отступил и сосредоточил все свое внимание на хозяйке. Я с честью выдержал испытание. Вот только после столь «приятного» знакомства стрелой помчался в уборную, дабы избавить организм от излишков влаги и прочих отходов человеческой деятельности. Благо не осрамился перед почтенной дамой и зверьем диким и домашним.

Тем временем заботливая Егоровна отправилась в избу, чтобы приготовить обещанное угощение для неожиданного гостя. Я прям из чудного домика устремился следом за ней. Как-то страшновато было оставаться наедине с диким зверем, к тому же малознакомым.

Глава 6

*Озеро глубокое,
Удачным будет лов.
Сейчас поймает окуня
Любитель-рыболов.
«Тра-ля-ля,
Тра-ля-ля,
Тра-ля-ля...
А. Л. Барто.*

Визит Михайлы Потапыча затянулся на неделю, уж больно понравилось медведю угощение сердобольной Егоровны. Два раза в день она насыпала в чугунок литров на пятнадцать-двадцать смесь из зерен пшеницы, ржи и гречки. Добавляла туда немного мяса и вяленой рыбы. Заливала водой. Затем долго томила в печи. Полученную массу охлаждала. Я помогал выносить чугуны во двор, и мы вываливали его содержимое в выдолбленное из ствола дерева корыто, из которых деревенские обычно кормят свиней. У Егоровны живности кроме кота не было, мясом, молоком, яйцами и прочими продуктами животноводства её снабжали селяне – однако корыто имелось. До этого оно пылилось в сарайчике, теперь пригодилось.

Медведь оказался вполне себе добродушным, но ужасно докучливым. Стоило мне выйти из дома, как этот приставала

тут же появлялся с граблями в пасти и навязчиво требовал, чтобы его ими чесали. Приходилось идти навстречу. Поначалу Михаил был похож на шелудивого пса, старая шерсть клоками торчала по всему его телу и вонял соответственно. Через несколько дней моих стараний вся она была удалена с тела животного и утилизирована Василисой Егоровной.

– Пояс свяжу, – сказала старушка, – от подагры, прострела и ревматизму лучше средства нет.

Собранную шерсть она долгое время вымачивала в расположенном неподалеку ручье. Затем вывесила во дворе на бельевых веревках на просушку.

Избавившись от беспокоящей его старой шерсти и после того, как я его искупал в ручье, медведь превратился в гладкошерстного красавца и более не благоухал аки матерый бомжара. Однако этот халявщик отнюдь не успокоился. Эксплуататор детского труда так и норовил сунуть мне в руки проклятые грабли, после чего заваливался на спину, раскидывал в разные стороны могучие лапищи и подставлял живот, мол, чешите его. Смотрю на эту наглую морду и вспоминается эпизод из одного старого фильма: – Махайте мне, махайте! Дайте мне бурю! – К сожалению, не помню, как он называется.

В конечном итоге, вся эта байда мне надоедала, и я бежал заниматься своими делами. Прилипчивый Потапыч непременно увязывался за мной и сопровождал меня во время бега вокруг дома и на спортивной площадке. Понравился я ему

что ли?

Поначалу, я не разделял оптимизма Егоровны насчет абсолютной безобидности медведя. Дикий зверь, он и в Африке дикий, тем более столь огромный хищник. Поднимется на задние лапы, кажется, что выше меня едва ли не в два раза. Мне хватит легкого удара когтистой лапы, чтобы вновь оказаться в мрачном Ничто. Но постепенно мой страх прошел. Мишка оказался вполне себе добродушным зверем. А еще он очень уважал Сидора, безропотно принимал его старшинство, и кот частенько его строил. Стоило черному как ночь котомфею выйти во двор, Потапыч сдувался на глазах, утаскивал грабли в крытый дровяник, где оборудовал себе место для отдыха и по первому требованию кота возил его на спине по двору. Если что не так, Сидор беспощадно драл медведя когтями или кусал за уши. Как ни странно, могучий дикий зверь стойко переносил все кошачьи издевательства и ни разу не наказал наглого Сидора, хоть имел более чем достаточный потенциал для этого. На чем основана эта весьма странная иерархическая структура, Егоровна не очень внятно пояснила, мол, молодой ишшо Мишаня, а Сидор помозговитее будет.

Поспать Мишка любил, особенно с полным желудком. Вот, казалось бы, всю зиму продрых в берлоге, должен выспаться на всё лето. Ан нет, набьет брюхо и на покой, если, конечно, меня в этот момент нет во дворе, ну или Сидора.

Через неделю, откормившись на харчах заботливой Его-

ровны, медведь утонул в лес по-английски, то есть, не попрощавшись. Вечером резвился во дворе, катая с места на место небольшое круглое бревнышко, утром его уже не было.

– Жену себе искать ушел, – прокомментировала исчезновение косолапого погрустневшая женщина. – Таперича, пожалуй, до следующей весны не увидим Мишаню нашего.

Мне тоже немного взгрустнулось – успел привыкнуть к этой наглой навязчивой роже.

Тем временем весна все сильнее и сильнее вступала в свои права. Непривычно как-то, на улице всего лишь начало апреля, а солнце жарит прям по-летнему. Травка на склонах холмов начала активно пробиваться из-под земли, проклюнулись мать и мачеха одуванчики и еще какие-то неизвестные мне цветы. Птицы прилетели и, оккупировав местные леса, оглашали окрестности своими брачными песнопениями.

Столь бурное наступление теплого сезона в средней полосе Европейской части России меня заметно смущало. В той реальности я не помню, чтобы в самом начале апреля было так тепло. Оно и в мае мог снежок пойти, а в июне бывало, что и примораживало по ночам градусов до пяти. А тут прям бурление жизни: птички, травка, цветочки, почки набухают на кустах и деревьях. Проконсультировался на этот счет с многоопытной Егоровной. Старушка ничего странного в происходящих природных метаморфозах не нашла.

– Так у нас каждый божий год происходит, Андрюша.

Правда летом дожди затяжные случаются, хлебушек вымокает, ну или градом урожай побьет. Однако такого уже давно не было, последний раз лет двадцать тому как напасть случилась. Война тогда еще была с туркой. Вот Господь и разгневался на людишек, что в мире и согласии жить не можем и ниспослал наказание на наши грешные головы.

М-да, темные времена, на всё воля Божья. Скорее всего, вулкан какой шарахнул и выбросил в стратосферу миллионы тонн пепла, или морские течения не так себя повели, метеорит упал... Хотя у Боженьки нет других забот, как напускать разные кары на головы людишек.

Столь крамольные мысли, разумеется, своей покровительнице не высказал, лишь про себя ухмыльнулся. Ну ничего не могу с собой поделать, несмотря на то, что практически выучил наизусть Часослов, я так и остался неисправимым атеистом, верующим в нерушимые законы Природы, а не в божественный промысел.

Кстати, насчет нудной зубрежки, я оказался кругом неправ. Во-первых, поднатаскался в местной русской грамматике. Стоит отметить, что цифирь, к моей вящей радости, здесь оказалась привычная для меня арабская. Во-вторых, упражнения с запоминанием малопонятной белиберды, здорово поспособствовали развитию моей памяти. И вообще, вооружившись Словом Божиим, отныне могу дать отпор любым проискам Нечистого. Хе-хе-хе! Ладно, шучу. Но аргументированно поучаствовать в богословском, да и в любом

другом диспуте – лехко. На самые убедительные постулаты оппонента могу запросто выдать: «А вот в послании к офесянам (огарянам, фелистимлянам и пр.) святой Павел (Илья, Матфей и т.д.) сказал то-то и то-то», ну и еще ляпнуть что-нибудь эдакое замысловатое:

«И па́ки грядúщаго со сла́вою суди́ти живы́м и ме́ртвым, Егóже Ца́рствию не бу́дет конца́. И в Ду́ха Свята́го, Го́спода, Животворя́щаго, Иже от Отца́ исходя́щаго, Иже со Отце́м и Сы́ном спокланя́ема и ссла́вима, глаго́лавшаго проро́ки. Во еди́ну Святу́ю, Собо́рную и Апо́стольскую Це́рковь». – Согласитесь, всегда в тему и актуально, потому, как непонятно.

В подобных спорах, важно не то, что ты сказал, а как ты это сделал. Пусть свои слова – полная ахиня и чушь собачья. Однако всякая чушь, произнесенная твердым убедительным тоном, с лихвой покроет любую истину, неуверенно проямленную оппонентом.

После поездки в Боровеский Трифонов монастырь, основанный по словам Егоровны лет четыреста назад святым старцем Трифоном (ну а кем же еще, судя по названию?), я буду допущен к другим источникам знаний: математике, географии, истории и прочим премудростям, кои должен знать боярский отпрыск. Жду этого момента с нетерпением.

Постепенно Протва начала возвращаться в свое естественное русло. Как следствие, стали освобождаться от воды заливные пойменные луга. Зашедшая на поля вместе с внешними водами рыба скапливалась в многочисленных бочагах,

площадь которых катастрофически уменьшалась едва ли не на глазах.

В один прекрасный день, я усмотрел на пойме толпы народа, шарящего по оставленным после разлива мелким озерам. На мой вопрос, «чем это они там заняты?», старушка ответила:

– Так рыбу ловят, Андрюшенька.

Нельзя сказать, чтобы по прошлой жизни я был очень уж заядлым рыбаком. Сидеть на берегу с удочкой, объедаемый крылатыми кровопийцами – это не по мне. А вот в компании мужиков побродить с бреднем или еще какой браконьерской снастью – наш метод. Ну, разумеется, посидеть вечером на берегу у костерка выпить водки и закусить ушницей из свежельовленной рыбы.

– Бабушка, а как бы и мне присоединиться к этому пиру жизни?

– Чего? – не поняла старушка.

– Ну рыбки половить.

– А это, – старушка почесала затылок. – Дык если рыба нужна, завтра свистну добролюбовские воз подгонят. У них её счас девать некуда, свиньям да курам скармливают.

– Не, Егоровна, тут важен не результат. Процесс главное. – Немного подумав, добавил: – Хотя результат также важен. Я один рецепт как закоптить леща знаю. Пальчики оближешь.

– Дык у нас и коптильни нет, милок.

– Сам сделаю, – с уверенным видом заявил я.

Вообще-то в устах двенадцатилетнего мальчишки мои слова выглядели, пожалуй, неубедительно. Однако я постарался вложить в них столько уверенности, что лед недоверия к моим возможностям был сломан. Егоровна вытащила из сарая плетеную из ивовых прутьев здоровенную корзину.

– Вот этим и лови. Протаскивай по бочагу, глядишь, что и попадется. Я б тебе помогла, но у меня на завтра куча народу на прием припрется, чай две недели без мово вспоможения, вот и поднакопилось страждущих.

Я критически осмотрел орудие лова, подержал в руках, оценивая вес. Тяжеловато уж больно для моего пока что хилого организма. Тут же в памяти всплыла простейшая схема легкого бредня, посредством которого несложно ловить рыбу в одиночку.

– Не, бабушка, такая конструкция не пойдет. Я видел обрывок сети в сарае. Дозволь сделать снасть получше.

– А сможешь? – с нескрываемым сомнением посмотрела на меня старушка.

– А чего там мочь, дело нехитрое, – уверенным тоном выдал я.

– Тады, пользуйся. Еще что-нить тебе надо?

– Бечевы льняной бобину, ниток суровых катушку, немного дегтя, инструмент сам знаю где находится.

Егоровна удивленно посмотрела на «боярича», по её глубокому убеждению криворукого и неспособного держать в руках ничего тяжелее ложки. А тут вдруг такое выдал!

– Хорошо, внучок, но коль ничего у тебя не сладится, завтра можешь взять на рыбалку корзину.

Чтобы не выглядеть в глазах доверчивой старушки болтливым хвастуном, немедленно взялся за дело. Для этого вытащил из сарая во двор кусок крупноячеистой сети размером примерно два на два метра. Дырявая во многих местах, но не критично, главное, не гнилая, а прорехи как-нибудь залатаем. Затем достал деревянный ящик с ручкой со всяким столярным инструментом, забытым по пьяни наемным работягой, правившим избу пару лет назад. М-да, видно крепко отшибло память мужику винище, коль не вернулся за оставленным добром, а может, и сгинул где-нибудь под забором, или зарезали сердечного лихие люди. Всякое в жизни бывает.

Вооружившись топором направился к ближайшей лесной опушке. Там срубил две довольно толстые ровные орешины и шесть стволиков потоньше. Приволок во двор, освободил добычу от ветвей, зачистил от коры, затем пилой порезал на нужные мне куски. Из тех, что потолще соорудил горнило снизу ровное, сверху дугообразное. Чтобы согнуть орешину пришлось проявить определенную смекалку и изворотливость. Жаль Потапыча нет, вот кого бы припахать. Концы надежно замотал прочной бечевой, смазанной дегтем. Оно проволокой медной или из мягкого железа значительно надежнее было бы, да где же её взять. Затем к получившейся конструкции привязал шесть тонких стволиков, связав их

воедино с противоположного конца. Таким образом, получил некое подобие остова чума или индейского вигвама. Все соединения перевязал крепко-накрепко бечевкой, которую заранее тщательно пропитал березовым дегтем, чтобы не набухла от воды, и конструкция на рассыпалась, а потом еще и сверху обильно смазал узлы. Вонизм еще тот, но деваться некуда. Осрамиться перед старушкой ой как не хочется.

Из подвернувшейся под руку щепки вырезал грубое подобие челнока и намотал на него суровую нить. Для начала залатал дырки в сети. Затем обтянул ею жесткий деревянный каркас, тщательно примотав к нему сетку посредством намотанных на челнок ниток.

Получившуюся конструкцию повертел, подергал. Вроде бы достаточно прочно получилось, подвести не должно. Завтра проведем, так сказать, полевые испытания.

Все это время, Егоровна, вооружившись пестиком и ступкой, сидела на крыльце и готовила какие-то зелья из известных лишь ей одной загадочных ингредиентов. Иногда старушка бросала косые взгляды в мою сторону и её морщинистое лицо озаряла добрая улыбка. Наконец не удержалась и прокомментировала мои телодвижения:

– Экий ты, Андрюша, затейник. Глянь какую хитроумную конструляцию сообразил. – она подошла, оценила вес получившегося бредня, и, помотав удивленно головой, выдала компетентное: – А ведь действительно, этой штуковиной половчее в бочажках орудовать. Корзина супротив её тяжело-

вата и не такая глыбокая.

Все-таки молодец бабушка, хоть и в возрасте, а мозги валят, как не у всякого молодого. Мгновенно заценила идею.

— Егоровна, а здешние мужики, разве бредешком не промышляют?

— Ну почему не промышляют? И сетями, и бреднями, и корзинками ловят, и переметы ставят, и острой бьют, а пацанва удочками удит, а когда вода согрется, руками тащат из-под коряг, особенно налимов. В реке нашей всякой рыбы жуть скоко, даже стерлядка попадает, белорыбица тож.

На следующее утро я отменил традиционную тренировку. Сразу после плотного завтрака прихватил бредень, большой полотняный мешок для рыбы и спустился с холма, на котором располагалось имение поместной дворянки Третьяковой.

Ха, имение: изба, хоть и вполне добротная, да пара сараев, отдельно подвал с ледником для хранения скоропортящихся продуктов, и все это огорожено довольно хилым заборчиком. Впрочем, еще есть большой сад, вполне себе ухоженный, и пятьдесят гектар под пашню.

Разумеется, сама Егоровна за всем этим уследить не в состоянии. Для этого существуют окрестные деревни и села с довольно многочисленным крестьянским населением. На летний наем к лекарке идут весьма охотно, поскольку та не скупится и щедро оплачивает крестьянский труд звонкой монетой. А мужики время от времени получают еще и

премию в виде стопочки «с устатку» первоклассного самогона, изготовленного умелыми руками Василисы Егоровны и выдержанного в дубовых бочонках. Я как-то пригубил из случайно оставленного на столе штофа. По вкусу отличный скотч. Жаль рановато мне употреблять спиртные напитки. Стану взрослым, тогда... Вот только не подумайте, что в прошлой жизни я был отпетым пьяницей. Алкаши не достигают успехов в жизни, каких добился я. Однако для повышения тонуса принять пятничным вечером после напряженной рабочей недели рюмочку-другую качественного вискарика, на мой взгляд, к алкоголизму не имеет никакого отношения.

Спустившись с пригорка, направился к ближайшей луже, оставшейся после ухода основной воды с пойменного луга. Стянул с себя полотняные штаны и рубаху, обуви на ногах не было – с наступлением тепла, вопреки настояниям доброй Егоровны, заставлявшей меня носить чёботы, ходил босиком. Привык кожа на ступнях огрубела, теперь никакой обуви не нужно. Впрочем, от хороших кроссовок я бы не отказался – это вам не поделки местных кустарей, абсолютно бесформенные, то есть без разделения на правую и левую, по этой причине неудобные.

Оставшись в полном неглиже (а кого стесняться?), взял в руки бредень и ступил в воду. М-да, дайте тепленькую! Впрочем, через минуту вода уже не казалась обжигающе ледяной. Потащил бредень от одного берега к другому. Эх,

жаль загонщиков с боков нет, рыба не такая уж и дура, чтобы самой лезть в ловушку. Но вроде, добычи тут предостаточно, время от времени получал по ногам чувствительные удары, а еще и наступал на что-то склизкое шевелящееся. Вообще-то, меня этим не запугать, ядовитых рыб в реках Средней полосы Европы не бывает, хищников способных растерзать человека, также— это вам не Амазонка с её пираньями, крокодилами и многочисленными змеями.

Первый улов оказался вполне приемлемым. Пара крупных щук, окуней пяток с полдюжины лещей, плотвы много, линь, подуст, три достойных сазана, здоровенный карп. Крупняк упаковал в мешок, мелочь оставил на берегу на радость чайкам, воронам и еще каким-то птицам, деловито кружащих над бесчисленными усыхающими озерами в надежде на легкую добычу.

Посидел на бережке, согрелся, передохнул и направился к следующему бочагу. Этот был немногим подлиннее, бредень пришлось тащить дольше, к концу подустал основательно. Впрочем, оно того стоило — со второго захода набил мешок добычей по самую горловину. Пришлось притопить снасть в воде, чтобы никто не позарился, громоздить двадцатикилограммовый мешок на спину и тащить хоть и не по очень крутому, но все-таки склону.

До дома Егоровны добрался совершенно ухайдоканным. Сил хватило высыпать рыбу в заранее приготовленную для этой цели бочку. Потрошить и засаливать после будем, а по-

ка азарт и плевать на усталость. Посидел минут двадцать. Детский организм он весьма пластичен, и усталость из него улетает моментально.

До обеда успел притащить еще два тяжелых мешка рыбы. Бочку набил, но на этом не успокоился, побрел обратно по склону вниз за очередной добычей. Сам себе напоминаю, забравшегося в курятник хорька – вроде бы, пару куриц придушил и хватит тащи в лес, ан нет, нужно ещё, ещё и ещё и всё мало.

На этот раз решил потратить совсем уж небольшую лужу. Но лишь стоило мне к ней приблизиться, увидел самого настоящего крокодила. Нет, это поначалу мне показалось крокодилом, на самом деле во всю длину бочага распласталось огромное усатое чудовище с плавниками и хвостом. Рыба. Нет РЫБА. Думал сом, но, приглядевшись понял, что это самый что ни на есть осетр. Два метра в длину, может быть больше. Охренеть! Как же ты сюда попал, голубчик?! Насколько мне известно, осетры водятся в низовьях Волги и Каспийском море, а тут сугубо пресноводная речка, к тому же, не такая уж и глубокая. Удивительно!

Разумеется, справиться в одиночку с такой чудой-юдой я даже не надеялся. Натянув по-быстрому штаны и рубаху рванул к дому Егоровны. Там мужиков, ожидающих приема, хватает, авось, кто и поможет.

Василису Егоровну обнаружил с щипцами в одной руке и основательно источенным кариесом коренным зубом, на-

ходившемся незадолго до моего появления в челюсти какого-то здоровенного бородатого мужика. Лишившись зуба, тот, сидя на табурете, охал и причитал будто баба. На что лекарка его успокаивала:

– Ты, Иваныч, не верещи, чай не беременный и по яйцам не попало! А зуб, так его таперича и нет, дырка там, поменьше надо было орехи зубищами грызть, да табачишем баловаться – эвон кака чернота на кусалках! Как только Марфа с тобой любезничает по ночам?! Ты покамест это место побереги, горячего, горького и кислого токо завтрава можно, сёдни можешь стопочку водочки для сна принять... – Увидев ошалевшего меня, старушка прекратила медицинский инструктаж и обратилась ко мне: – Что такой заполошный, Андрюша, аль какая беда приключилась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.